

ОГОНЁК

4 НОЯБРЯ 1945 ГОДА

№ 44

Картина В. Сварога

Партийный центр — руководитель восстания в октябре 1917 года.

ОГОНЁК

№ 44 (963). 1945 год

Прекрасен Кремль в своём красочном дневном убранстве и в ночные часы, когда свет, озаряющий его древние башни и Большой Кремлёвский дворец, сказочно отражается в потемневших, притихших водах красавицы Москвы-реки. Здесь бьётся сердце нашей необъятной страны, здесь воплощены воля и могущество великого народа, здесь живёт и трудится наш любимый, родной товарищ Сталин. Неувядаемой славой овеяно советское знамя, гордо реющее над Кремлём двадцать восемь лет.

Фото Мих. Грачёва

ОГОНЁК

№ 44 (963)

Воскресенье, 4 ноября 1945 года

ВЫХОДИТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

СТАТЬИ

Победная годовщина.

Академик Е. Тарле. — Мощь Советской державы.

Д. Заславский. — Москва.

СТИХИ И ПРОЗА

Сергей Васильев. — Русский человек.

Анатолий Софронов. — Миус.

Лев Черноморцев. — Поём мы славу.

Всеволод Иванов. — Творчество победы.

Валентин Катаев. — Жемчужина.

Михаил Пришвин. — Любимая земля.

РЕПОРТАЖ

И. Осипов. — Дорога в океан.

Вл. Беляев. — На рубеже восьмой сотни лет.

НАУКА

Профессор С. Халатов. — Продление жизни.

ИЗ ПРОШЛОГО

«Москва—град велик, град—чуден».

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Л. Никулин. — Один год МХАТ.

В. Потапов. — Мастерство.

Б. Бегак. — Кукольный мюзик-холл.

С. Бородин. — Подвиги наших предков.

СПОРТ

М. Мержанов. — Последний матч сезона.

ЮМОР. — МАРКИ СО ВСЕГО СВЕТА. — ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ. — ШАХМАТЫ.

Картины и рисунки художников: Б. Рыбченкова, В. Климашина, В. Щеглова, В. Богаткина, К. Елисеева, М. Милославского.

Репродукции с картин художников: В. Сварога, Лупнова, П. Соколова-Скала, П. Васильева, Б. Карпова и М. Аввакумова.

Фото: Мих. Грачёва, А. Гаранина, С. Короткова, Вл. Мельника, Б. Фабисовича, С. Шингарёва, М. и Н. Волковых, О. Кнорринга, Т. Маят.

На обложке: рисунок В. Климашина.

ПОБЕДНАЯ ГОДОВЩИНА

Наступает самый любимый, самый светлый праздник народов — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Четыре года подряд советские люди встречали Октябрьские праздники в суровых условиях войны. Двадцать восьмую годовщину мы празднуем в условиях мира, завоёванного победоносным советским оружием. И в эти дни величайшего торжества сердца и мысли трудящихся обращены к отцу и руководителю товарищу Сталину, чей гений вёл и привёл нас к победе.

Грозные дни ноября 1941 года.

Товарищ Сталин был в Москве. 6 ноября страна и весь мир услышали его голос:

«Период мирного строительства кончился. Начался период освободительной войны с немецкими захватчиками».

Перед советскими людьми была поставлена почётная задача—организоваться в единый боевой лагерь, ведущий вместе с Красной Армией великую освободительную войну за честь и свободу нашей родины.

Через месяц немецкие армии были отброшены от Москвы.

Прошёл год.

Это был тяжёлый год для Советской страны. Разбитые под Москвой и остановленные под Ленинградом, немецкие армии остервенело ринулись к Волге. Завязалась историческая битва за Сталинград. Как раз в ноябре она достигла своего высшего напряжения. Но уже готовились, по сталинскому плану, разгром и уничтожение армий врага на берегах Волги.

6 ноября 1942 года.

Товарищ Сталин говорил: «Я думаю, что никакая другая страна и никакая другая армия не могла бы выдержать подобный натиск озверелых банд немецко-фашистских разбойников и их союзников. Только наша Советская страна, и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск. (Бурные аплодисменты). И не только выдержать, но и преодолеть его».

В этой же исторической речи товарищ Сталин определил задачи советского народа: во-первых, уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей; во-вторых, уничтожить гитлеровскую армию и её руководителей; в-третьих, разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его строителей.

Вооружённые этой боевой программой действия, советский народ и его могучая Красная Армия вступили в 1943 год, год завершения Сталинградской эпопеи и многих других блистательных побед.

6 ноября 1943 года.

Затаив дыхание, миллионы советских людей на фронте и в тылу внимали словам вождя.

Товарищ Сталин назвал год, истекший от 25-й до 26-й годовщины Октября, переломным годом Отечественной войны.

Красная Армия впервые за время войны осуществила большое летнее наступление, приведшее к разгрому вражеских армий, к освобождению значительной части Украины и Белоруссии. Фашистская Германия оказалась перед катастрофой.

«День нашей победы приближается»,—заявил тогда товарищ Сталин.

6 ноября 1944 года.

Немецко-фашистские войска вышвырнуты из пределов Советского Союза и отброшены к границам Германии. Красная Армия начала освободительный поход на запад и югозапад. Союзники высадились во Франции. Гитлеровская Германия очутилась в тисках между двумя фронтами.

Война быстро шла к концу. Приближалась победа.

В докладе о 27-й годовщине Октября организатор и творец великих решающих побед товарищ Сталин говорил:

«Теперь, когда Отечественная война идёт к победоносному концу, во всём величии встаёт историческая роль Советского народа. Ныне все признают, что Советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга Советского народа перед историей человечества».

За Красной Армией осталась её последняя заключительная миссия: довершить вместе с армиями союзников разгром немецко-фашистской армии.

Эту свою миссию Красная Армия выполнила с честью. Сокрушительным, уничтожающим был последний удар наших войск. 2 мая над Берлином гордо реяло красное знамя!

Свершилось!

Навеки запомнят поколения советских людей историческое обращение товарища Сталина к народу, возвестившего победу и мир в Европе:

«Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития».

Прошло ещё несколько месяцев, и Красная Армия нанесла решающий удар японским империалистам и совместно с армиями союзников ликвидировала очаг войны на Дальнем Востоке.

Наступил долгожданный мир для народов всего мира!

Овеянные славой, наши знамёна осеняют шествие торжествующего народа-победителя, празднующего 28-ю годовщину Октября.

Бессмертны подвиги советских людей!

Бессмертна наша победа!

«Заседание ЦК РСДРП (б) 10 октября 1917 года».

Картина Луппова (Музей Революции СССР).

«В. И. Ленин и И. В. Сталин в Смольном в дни Октября».

Картина П. Соколова-Скаля (Музей Революции СССР).

МОЩЬ СОВЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Академик Е. Тарле

Мы встречаем в этом году годовщину Великой Октябрьской социалистической революции в том особом настроении, в каком бывают люди, которые только что пережили великое событие, нечто невиданное и неслыханное, нечто граничащее с чудом, хотя мы ежедневно и ежечасно убеждаемся в полнейшей реальности происшедшего.

И всё-таки мы не привыкли к тому, что случилось. К Девятому мая нельзя привыкнуть и нельзя забыть, что за одиннадцать столетий русской истории, славной, великой русской истории, не было никогда того, что дал Советскому Союзу и всему человечеству этот день.

И когда же с большей силой возвращаемся мы к этому, как не в дни празднования годовщины Октября?

Сравним хотя бы в нескольких словах положение нашей родины в кругу мировых держав перед октябрём 1917 года с тем положением, которое она заняла после Девятого мая нынешнего года.

В 1917 году, перед Октябрём, Россию просто снимали со счетов. Были забыты в Европе все тяжёлые жертвы, принесённые русским народом, вынесшим на себе главную тяжесть страшной борьбы с германским хищником в течение первых, самых трудных, самых опасных лет первой мировой войны. Зато наши враги полагали, что обстоятельства складываются крайне удачно: можно будет ловко воспользоваться обстановкой и урвать у России то, на что она имела добытое кровью право, а ещё лучше — с течением времени приступить к сговору о разделе самой русской территории...

С этими заманчивыми мечтами очень влиятельные и могущественные в политической жизни реакционные круги Западной Европы очень долго не могли расстаться. Немецкого хищника после того, как он был в конце 1918 года повержен наземь, не переставали двадцать лет подряд взбадривать, усердно откармливать, укреплять, звать в дружескую компанию — и всё с определённой, ничуть не скрываемой целью: подготовить разгром и ограбление русского народа руками немцев.

Великая Октябрьская социалистическая революция не ослабила, а усилила нашу страну. Этого не хотели замечать, хотя голоса, говорящие об этом, становились всё громче, всё явственнее, всё настоятельнее.

Когда в сентябре 1931 года Япония начала свой разбойничий набег на Китай и заняла Маньчжурию, то американские реакционеры определённо дали знать микадо, «сыну солнца», и его министрам в Токио, что пока Япония проявляет свой аппетит по отношению только к «северозападным областям Азии», до той поры США решительно ничего против этого не имеют и иметь не будут. Но оказалось, что в «северозападной части Азии» имеются, между прочим, такие непредвиденные «сыном солнца» и его сообщниками пункты, как Хасан и Халхин-Гол, где японцы были позорно побиты. И всё-таки и в Европе, и в Америке, и в Азии не для всех эти суровые уроки и разочарования оказались убедительными.

Когда фашистский немецкий зверь неожиданно для своих покровителей повернул свою алчную пасть прежде всего на запад, а не на восток, как от него ждали, то даже тогда французский министр господин Даладьё (тот самый, который теперь хлопочет о скорейшем создании «западного блока») громогласно заявил, что он отправит 75 тысяч французских воевать против СССР «в защиту Финляндии». Он был в нескрываемом отчаянии, когда Финляндия 12 марта 1940 года заключила с СССР мир. Именно таким путём господин Даладьё (а он был не

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Сергей Васильев

Гром пушек смолк.

Победным светом вещим
озарены просторы

наших нив, полей и рек.
И первого, кому мы рукоплещем,
мы называем: русский человек.

Вст он стоит, отвагою богатый,
сто тысяч вёрст

проделавший пешком,
застенчивый,

немного угловатый,
с челябинским

иль волжским говорком.
Мне всё в нём любо:

жар его природный,
и грусть его,

и давняя мечта
о счастье,

о свободе всенародной,
и искренность его,

и широта.
И выдумка его,

и присказки,
и пеньё

протяжных песен
о своей судьбе,

и гордое его многотерпенье,
не знающее равного себе.

В дни обороны,
в пору наступленья

порыв и месть шагали
в ногу с ним.

Он был всегда
примером вдохновенья

многоплеменным братьям боевым.
Он всё прошёл.

Он видел в жизни виды.
Он испытал в решительном бою

и гнев святой,
и ярость от обиды,

и скорую отходчивость свою.
Он правды добивался неуклонно,

как верный страж своей родной
земли.

Не потому ль насильников знамёна
к его ногам

(в который раз!)
легли?

Гордись,
мой друг,

что ты есть сын России,
сын рек её,

лесов,
полей и нив,

что ты прошёл
сквозь ливни грозные,

усталой головы не наклонив!
Пускай тебя кружили непогоды,

но счастлив будь
безудержно, до слёз,

что принял ты
в младенческие годы

благословенье северных берёз.

одинок) считал возможным поскорее примириться с Германией, опять-таки на почве общего затем нападения на СССР.

И вот произошёл всемирноисторический экзамен. Бандиты гитлеровской шайки предъявили всем своим соседям два вполне точные предложения на выбор: или немедленно станьте послушными рабами, отрекитесь от своей истории, от своей национальной чести, или выходите на смертельный бой! И все на континенте Европы — кто после мимолётной попытки борьбы, кто без малейшей борьбы — пали к ногам мерзостной берлинской разбойничьей шайки. Лишь в немногих странах Европы, например в Югославии, героические партизанские отряды вели борьбу.

Континент погибал. Европа была спасена русским народом, тем самым Советским Союзом, об ограблении, разделе земель и гибели которого так много мечтали, говорили, писали в течение целых десятилетий реакционеры всех разновидностей.

Советский Союз — и только Советский Союз — сделал возможной конечную победу цивилизации над гитлеровским варварством.

Нет, на этот раз фальсифицировать историю будет гораздо труднее, чем это было для немецких и многих немемецких публицистов и писателей, так охотно замалчивавших центральную всё решившую роль русских побед 1812—1814 годов в освобождении Европы от Наполеона. Конечно, и относительно времени Наполеона всякий историк всегда знал, что без 1812 года, без Бородин, без пожара Москвы, без русского решающего участия в страшном лейпцигском побоище в 1813 году ни Германия, ни Европа освободиться от Наполеона не могли.

Так было и в наши дни. Грохот сталинградской артиллерии и затем трёхдневный немецкий траур в феврале 1943 года возвестили об ужасающей для Германии катастрофе на берегах Волги.

Это был для Европы первый набат освобождения. Он уже не умолкал с тех пор. И когда советские танки и пушки оказались уже не на Волге, а на Одере, на Шпрее, на Эльбе, со злодейской тиранией фашизма было покончено.

«Русские — вот кто истинные победители в этой войне!» — сказал мне и другим академикам наш гость, известный историк французский профессор Камилл Блок во время приёма Академией в её юбилейные дни у товарища Сталина в Георгиевском зале Кремля. В нынешней Европе многие так думают. Остаётся лишь пожелать, чтобы там подольше удержали эту истину в памяти.

Наше государство стоит сейчас среди других держав мира на такой высоте, на которой оно за всё своё существование не стояло.

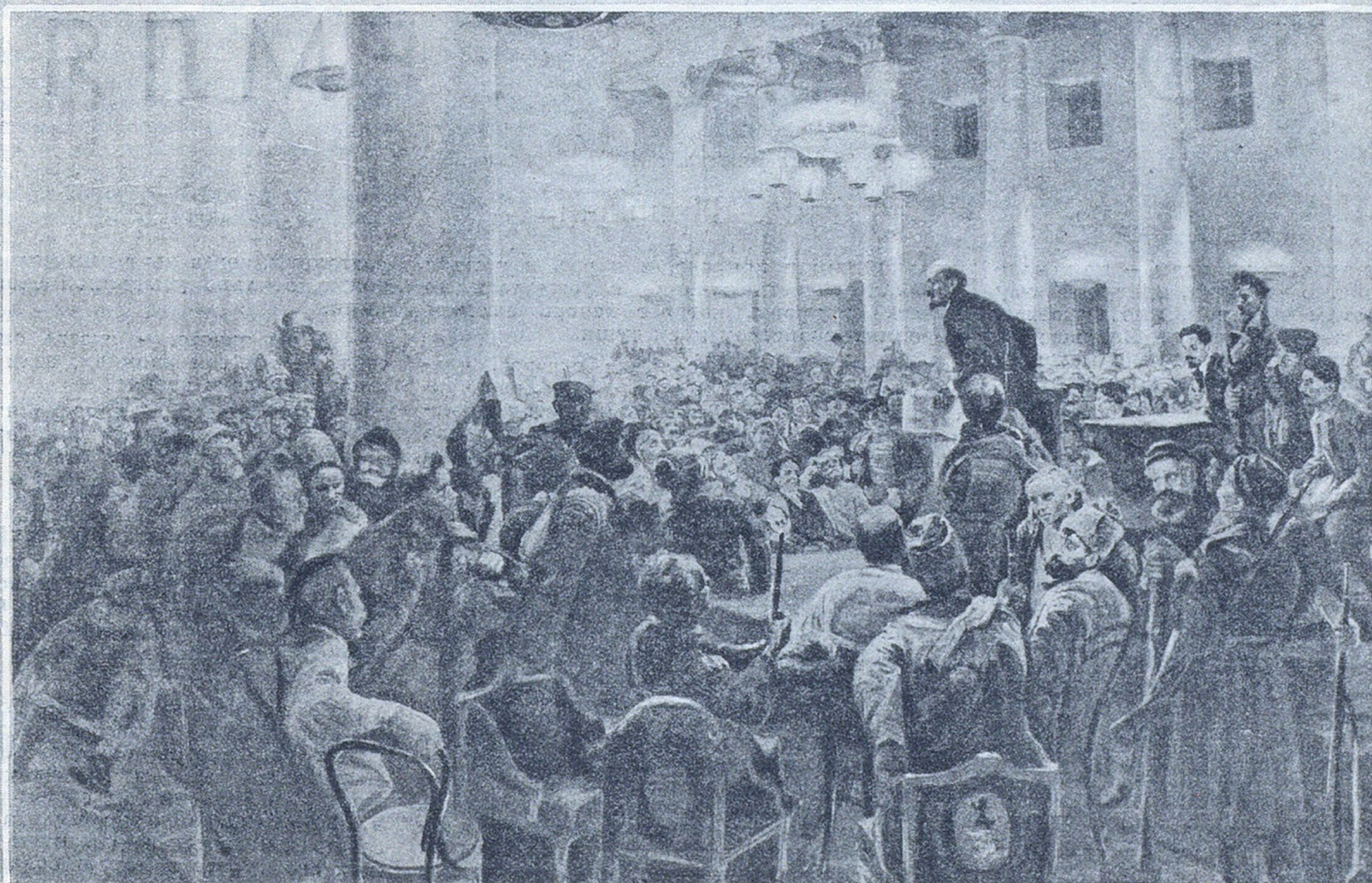
Но эта высота — не только политическая. Моральный престиж Советского Союза сейчас таков, каким он ещё никогда не был. Во всём мире происходит теперь неустанная, непрекращающаяся борьба между трудящимися, которые с надеждой, восторгом, благодарностью взирают на Советский Союз, освободивший их от немецкого фашистского кошмара, и теми эксплуататорскими общественными группами, которые именно за это и чувствуют неприязнь к нашему отечеству. Мировой фашизм, приунывший после разгрома его центрального логова в Берлине, понемногу, кое-где пытается поднять свою голову. Он вовсе ещё не считает своего гнусного дела безнадежно проигранным.

И можно сказать, что решительно все надежды на окончательное уничтожение фашистской язвы в Европе и во всём мире возлагаются всеми прогрессивными кругами прежде всего на Советскую страну. Ясно, что борьба против фашизма является борьбой за мир, а в борьбе за мир Советский Союз идёт впереди всех.

Советский Союз — опора прогресса и, по этой же причине, главная основа международного мира. И когда так твёрдо борется за разрешение всех острых вопросов современности величайшая держава, обладающая, по общему признанию и друзей и врагов, самой могущественной армией на земном шаре, сыгравшая решающую роль в уничтожающем разгроме разбойничьих фашистских государств, то мощь и миролюбие такой державы приобретают величайшее значение для человечества.

«В. И. Ленин и И. В. Сталин беседуют с красногвардейцами в Смольном. Петроград, октябрь 1917 года».
Рисунок П. Васильева (Музей Революции СССР).

«Выступление В. И. Ленина на II Всероссийском съезде Советов» Рисунок М. Авакумова с картины Н. Серебрянского
(Музей Революции СССР).

«ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ...» Глубоким снегом покрыты поля, равнины и селения в северных областях нашей родины.

Фото Т. Маят

ЛЮБИМАЯ ЗЕМЛЯ

Из встреч и переписки с А. М. Горьким

Мих. Пришвин

Поэтическое чувство природы — не исключительное свойство человека, присущее ему с детства. С этим чувством, мне думается, не рождаются, а его наживают. Впервые узнал я это чувство при разлуке с матерью, когда она меня оставила в городе учиться, а сама вернулась в деревню. Вот тут-то в слезах, в тоске, в отчаянье показывалась прелесть покинутого мира, и родная природа вставала в воображении, как счастье возможного свидания с матерью. И оно так и было потом во мне, это счастье, как возбуждаемый и прерываемый электрический ток: свидания чередовались с разлуками, а из этого по человеческому свойству забвения худого при встрече с хорошим и зарождался как бы ток высокого напряжения: ток радости жизни.

Мальчишкой, бывало, проснусь раньше, чем следует, и в дырочку алькова смотрю на лицо матери. Она тоже проснулась, но в одиночестве она совсем не такая, какой мы её знали, смутная, лоб наморщен, думает до того мучительно, что нет-нет и вздрогнет. Так станет страшно, забудешься, высунешь голову к ней, и она обрадуется, засияет, совсем будто солнце взошло.

...На родину свою я тоже, как на мать свою, смотрел в дырочку и видел её великие страдания. А когда становилось невмоготу, брал палку, котомку, странствовал и видел, как родина-мать улыбалась, и чувствовал, как душа моя расширялась, получала особую силу родственного внимания к существам

мельчайшим в природе, и я рос, и в меня входила радость жизни, и рождалось то чувство природы, которое теперь считают коренным свойством моей души.

Совсем простыми словами сказать, чувство природы моё есть не что иное, как чувство родины. И вот чем объясняется то исключительное внимание, с которым встречал Горький каждое новое моё произведение, и с такой радостью писал мне: в моих писаниях Горький себя самого узнавал, как странника, ищущего свидания со своей матерью-родиной. В свою очередь, я в его бабushке, главной героине его «Детства», узнавал черты матери-родины с такой силой, какой не даёт даже воспоминание о любимой моей покойной матери. Образ бабushки Горького в великом множестве русских людей вызывает образ любимой родины, радостной даже в её великих прошлых страданиях.

Мы однажды с Горьким вышли из дачи его в Финляндии погулять. Он был погружён в себя, как это иногда со всеми бывает: всё в себе, а глаза сосредоточены на каком-нибудь жучке, или бабочке, или прутике, или на зелёном листочке. Человек в это время как бы уходит от мира, и когда обратно приходит в себя, то душа радостно соединяется с тем, на чём бессознательно покоился глаз, на этом жучке, или бабочке, или прутике, или зелёном листике. Из чувства этой радости узнавания по-новому знакомого, привычного рождались все мои писания. И я очень хорошо помню, что Горький был именно в таком

состоянии, когда мы с ним молча шли по дорожке, обильно усыпанной еловыми хвоинками.

— А вы знаете, — сказал он, приходя в себя, — как эти хвоинки, если заиндевеют, иногда чудесно звенят?

— А вы знаете, — спросил я в свою очередь, — когда хвоинки заиндевеют с утра, а потом выйдет горячее солнце и от стволов пойдёт пар так сильно, будто леший себе баню в лесу затопил?

— Чудесно, — ответил Горький, — чудесно!

И вдруг от этих хвоинок мы перекинулись к людям, и у меня в воспоминании теперь осталось, будто так это и быть должно: сначала мы поговорили о любимой земле-природе, а потом и о людях, населяющих нашу родину...

Не один раз я встречался с Горьким, и так у меня остаётся в памяти, будто ни разу в разговоре у нас не обошлось без оглядки на мать-родину. Да, я положительно утверждаю, что Горький был сыном родной земли в самом глубоком смысле слова и что образ бабushки является выражением сокровеннейших его чувств к матери-родине.

В письмах Горького ярко выражено единое устремление, единый путь на родину.

...Вот выдержки из писем Горького ко мне, освещающие его отношение к европейской современности:

«Запах разложения, гниения очень густ,

Лев Черноморцев

особенно здесь, в Германии¹. Душно и было бы скучно, если б не работать, а только наблюдать. Человек становится и ценится всё дешевле. Возможны такие факты: жена, дочь и сын не кормят отца, потому что «он стар и ему пора умирать». Он — бывший крупный чиновник, очень культурный человек, кроткий, милый. И, видимо, он согласен, что ему «пора умирать», худеет, ходит пошатываясь, молча улыбается, голодный, тихонький. На улицах очень много таких, они стоят под воротами, в уголках, всё ещё прилично одетые и молча просят помочь им...»

При всём резко отрицательном отношении Горького к европейской современности, письма его об этом не производили унылого впечатления, напротив, они были всегда бодрые и уверенные. Дело в том, что вся его резкая критика вызывалась верой в победное возрождение своей родины, и буквально под каждым отрицанием жизни на чужбине скрывалось утверждение встающей прекрасной жизни на родине. Вечная юность и мудрость молодости и простота — вот что привлекало Горького на родину.

«...Вы значительно моложе «молодых», — пишет мне Горький из Неаполя в 1925 году. — Не думайте, что комплименты говорю, нет, я — внимательный читатель и сам ощущаю мудрость Вашей молодости, и я сам знаю, что она — значительней, нужнее людям, чем «мудрость старости». Я знаю двух «старых» писателей — Сергеева-Ценского и Вас, оба Вы «молодо-стары» и для меня лично — оба милые друзья души моей».

«Я читаю Ваши беседы с людьми о мире, каждый раз, когда является желание дать душе отдых от маленьких, но частых раздражений злой пылью будничной жизни. Прекрасно и оздоравливающе-освежающе действует Ваше слово великого жизнелюба».

«...Вчера встречал «челюскинцев», — пишет Горький мне уже из Москвы. — Поражающее и потрясающее зрелище! Сколько было цветов, какая вьюга конфетти и, главное, какая радость. Ожидали, что придёт встречать тысяч двести — явилось свыше полумиллиона. Челюскинцы были растроганы до слёз, а какой-то чумазый богатырь выдёргивал мне руку из пледа и вздрагивая, стыдясь влаги на глазах, бормотал. «Р-родина-то, а? Ну-ну... вот так раз! Родина... извини, брат, ей-богу! Ну что ж такое, а? И за что? Ведь — спасли!»

Все они, челюскинцы, были ошарашены, ошеломлены, растерялись. Меня целовали женщины, украшали цветами, как покойника, и убеждали: «Не волнуйтесь, ничего! Вы, пожалуйста, не волнуйтесь».

Замечательно говорил Воронин и один из лётчиков. А народище, народище как радовался!

Вообще, это был изумительный праздник из всех возможных. В хорошее время жизни, дорогой Михаил Михайлович, — верно?»

Чего я теперь себе простить не могу, это, что я раньше недостаточно ценил у Горького его замечательное чувство сорадования в творчестве. Мне казалось, что Горький по широте души многим говорит хорошее и мне в том числе. Только в самое последнее время, когда я вздумал воспроизвести встречи мои с писателями до революции, так или иначе влиявшие на мой литературный рост, я вдруг понял, что мы с Горьким, столь разные, шли по одному пути.

Когда же я это понял и утвердился в себе самом, то в письмах Горького увидел, наконец, настоящего Горького, способного радоваться успехам другого писателя больше, может быть, чем своим собственным. Это станет таким понятным, если только поймёшь всю любовь Горького к родной своей земле. И, значит, если я недостаточно понимал в то время письма Горького к себе с выражением радости о всём, написанном мною, это я просто не мог понять Горького, как сына родной земли: в моём творчестве он восхищался родной ему природой.

До чего же горестно, что не дожил Алексей Максимович до дней нашей великой Победы: какого огненного слова ждёт сейчас от писателей наша любимая Родина!

Нам дороги и юности пора,
И нашей Волги синие излуки,
Сиянье зорь, и песни у костра,
И нас благословляющие руки.
Но есть у нас понятия и слова,
Которые в сей жизни равноценны:
Октябрь. Отчизна. Сталин. И Москва,
Где камни мостовых — и те священны.
Всё это вместе Родиной зовём.
Её мы любим. Ею мы гордимся.
Где б ни были, — мы в отчий* входим дом,
И сладок тёплый дым гостеприимства.

Мы любим звон джамбуловой домбры,
Близка нам песнь кавказского ашуга.
Мы любим труд
И шумные пиры,
Где круг друзей и милая подруга...
Мы победили всех врагов в борьбе
За наше счастье!..

И теперь по праву,
Родной Народ, в день Октября тебе
Поём мы дружным хором
славу!

«ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ...» На юге, в Грузинской ССР, ветки яблонь сгибаются под тяжестью спелых плодов. Женщины в летних платьях и широкополых шляпах, защищающих от солнца, собирают обильный урожай яблок.

Фото С. Короткова

ПОД ЗНАМЕНОМ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

В ЗАЛЕ БОЛЬШОГО КРЕМЛЕВСКОГО ДВОРЦА

Древний Кремль величественно возвышается над Москвой—столицей нашей родины. Седые зубчатые стены обрамляют неповторимый архитектурный ансамбль.

В просторные залы Большого кремлёвского дворца собираются народные избранники—депутаты Совета Союза и Совета Национальностей, чтобы на сессиях Верховного Совета СССР решать важнейшие государственные дела.

Каждая сессия Верховного Совета—крупнейшее событие в жизни страны.

Выборы депутатов Верховного Совета СССР первого созыва состоялись 12 декабря 1937 года по новой, Сталинской Конституции—на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, тайным голосованием.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЦИФРЫ

Страна была разделена на 1143 избирательных округа. Подача избирательных бюллетеней производилась в 137 285 избирательных участках.

В избрании высшего органа государственной власти приняло участие всё взрослое население страны. Из 94 138 159 избирателей в голосовании 12 декабря участвовали 91 113 153, то есть 96,8% к общему числу избирателей.

Столь высокой активности населения на всеобщих выборах не бывало ни в одной стране.

БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА БЛОКА КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ

Первые выборы в Верховный Совет СССР показали незыблемое единство нашего народа, его верность делу социализма, преданность коммунистической партии большевиков и вождю народов товарищу Сталину.

Широкие слои избирателей—партийные и беспартийные—сообща намечали кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Сталинский блок коммунистов и беспартийных одержал на выборах блестящую победу. За кандидатов блока, представленных в Совет Союза, 12 декабря 1937 года голосовали 89 844 271 избиратель, то есть 98,6% общего числа голосовавших, а за кандидатов блока, представленных в Совет Национальностей, подали голоса 89 063 169 избирателей—97,8% голосовавших.

ИЗБРАННИКИ НАРОДА

В обе палаты—Совет Союза и Совет Национальностей—народ избрал лучших сынов и дочерей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. В Большом кремлёвском дворце, где заседают сессии Верховного Совета, среди депутатов можно видеть и рабочего-стахановца, и учёного, и советского работника, и деятеля искусств, и офицера Красной Армии, и колхозника—людей различных возрастов, мужчин и женщин.

В обеих палатах Верховного Совета заседают представители многочисленных наций и народностей, населяющих великую советскую землю.

В числе депутатов Совета Союза мы встречаем избранников великого русского народа, украинцев, белорусов, узбеков, казахов, грузин, татар и других народов.

В Совете Национальностей представлены все союзные и автономные

Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав. Он не просто провозглашает равенство прав граждан, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплуатации, факта освобождения граждан от всякой эксплуатации. Он не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы. Он не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами. Понятно поэтому, что демократизм проекта новой Конституции является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим.

★ ★ ★

Говорят о демократии. Но что такое демократия? Демократия в капиталистических странах, где имеются антагонистические классы, есть в последнем счёте демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства. Демократия в СССР, наоборот, есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех... Вот почему я думаю, что Конституция СССР является единственной в мире до конца демократической конституцией.

★ ★ ★

В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. (Продолжительные аплодисменты). Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперёд и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма.

(И. СТАЛИН. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г.)

республики, автономные области и национальные округа нашего государства. Более 50 различных народностей можно насчитать среди депутатов этой палаты Верховного Совета.

ПЕРВЫЙ ДЕПУТАТ— ТОВАРИЩ СТАЛИН

Первым депутатом в Верховный Совет наш народ избрал великого Сталина. Его прозорливый гений провёл нас со славой сквозь череду лет невиданного по масштабу и скорости преобразования страны из отсталой в передовую и могучую. Его исключительному полководческому искусству мы обязаны величайшей победой в жестоких битвах за свободу и независимость нашей любимой родины.

Почти 8 лет прошло с тех пор, когда в Большом кремлёвском дворце впервые собрались на заседание обе палаты советского парламента. Первую сессию Совета Союза открыл старейший депутат академик А. Н. Бах. Первую сессию Совета Национальностей открывал по праву старейшего депутата Миха Цхакая. Восемь лет... Как много пережито за этот короткий в истории нашей славной родины срок!

ДВЕНАДЦАТЬ СЕССИЙ

Двенадцать раз собирались за это время в Кремле депутаты Верховного Совета на сессии. Они решали важнейшие вопросы жизни и деятельности советского государства в годы мирного строительства и в период войны.

Верховный Совет принимал законы, касающиеся государственного устройства страны, заслушивал доклады правительства о внешней политике, ратифицировал договоры с другими государствами, рассматривал и принимал годовые государственные бюджеты, утверждал указы Президиума, принятые им в период между сессиями. Среди законов Верховного Совета СССР—важнейшие: закон о всеобщей воинской обязанности, закон о гражданстве СССР, о судостроительстве. Особенно значительны законы Верховного Совета СССР, принятые им в период войны: о создании войсковых формирований союзных республик, закон о предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и, в соответствии с этим, о преобразовании Наркомата обороны и Наркомата иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские. Последний государственный акт, как известно, имеет большое международное значение. На основе его Украинская и Белорусская республики были представлены на конференции Объединённых наций в Сан-Франциско и внесли свою долю участия в деле организации мира и международной безопасности.

На последней, 12-й сессии, созванной после окончания войны в Европе, Верховный Совет принял закон о мобилизации старших возрастов личного состава Действующей армии.

Согласно Сталинской Конституции, Верховный Совет СССР первого созыва был избран на 4 года. Но суровая военная обстановка не позволила вовремя произвести новые выборы.

Теперь, после великой победы, наша страна готовится к выборам в Верховный Совет СССР, которые назначены на 10 февраля 1946 года.

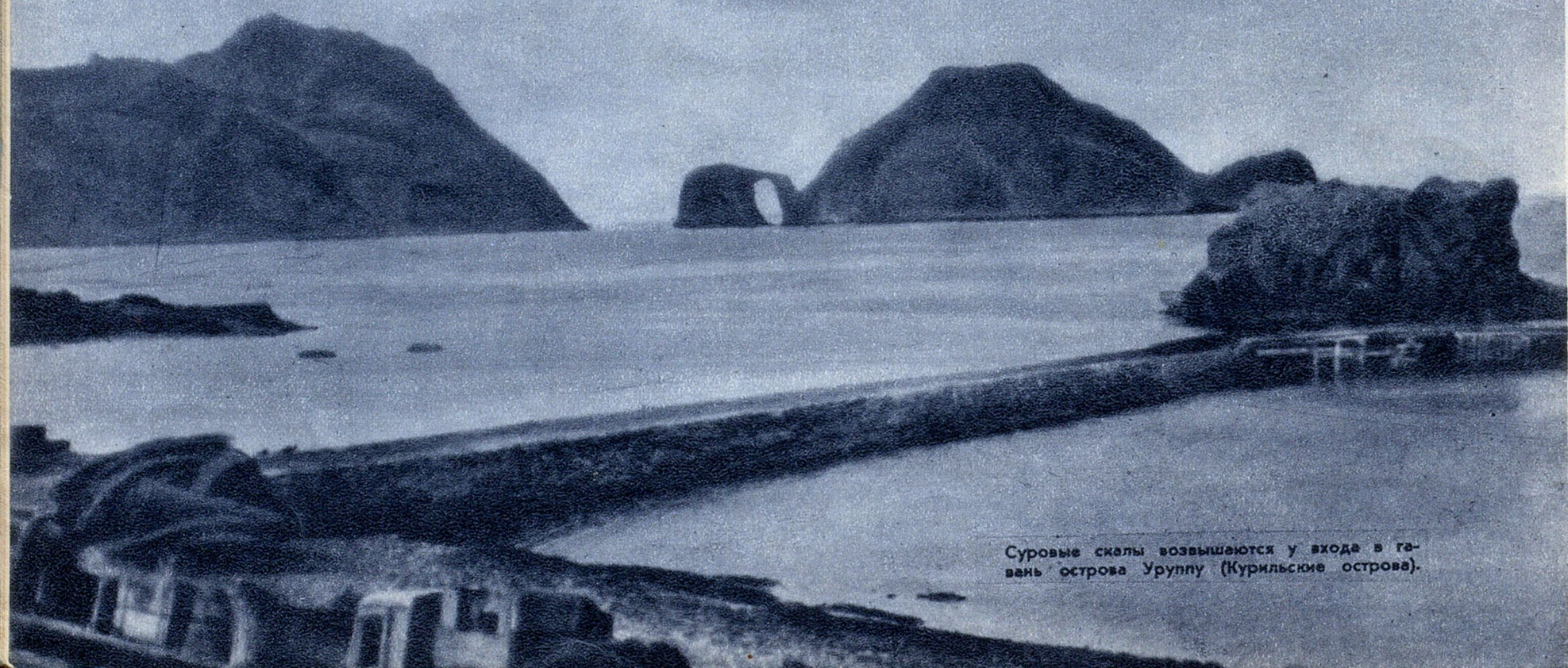
Н. НЕМОВ

ДОРОГА В ОКЕАН

ТЕКСТ И ФОТО И. ОСИПОВА

В ЭТОМ ОЧЕРКЕ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК БЫЛИ ОСВОБОЖДЕНЫ ОТ
ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ЮЖНЫЙ САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА—
ВАЖНЕЙШИЕ ВЕХИ НА СТОЛБОВОЙ ДОРОГЕ В ТИХИЙ ОКЕАН.

Суровые скалы возвышаются у входа в гавань острова Уруппу (Курильские острова).

Это одна из улиц главного города Южного Сахалина — Отомари. Японские империалисты хозяйничали здесь сорок лет, но, судя по этим убогим домишкам, бывшая «столица» Карафуто, как японцы называли Южный Сахалин, производит довольно жалкое впечатление.

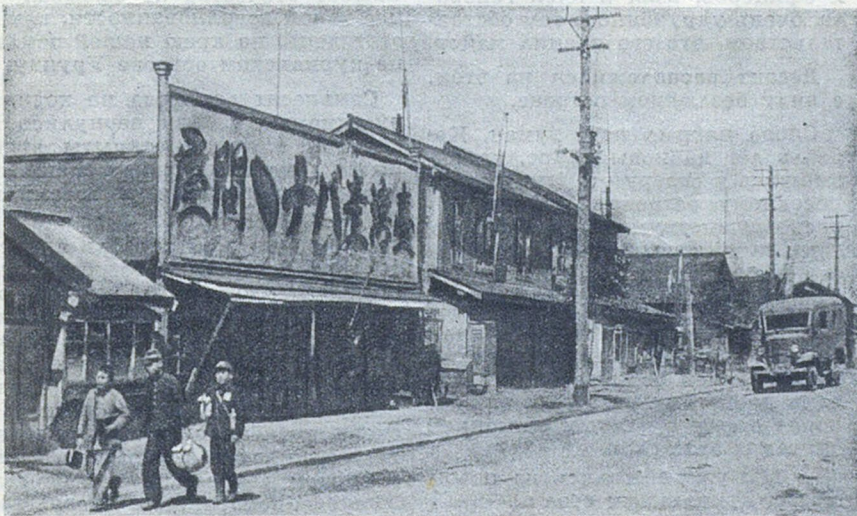
От Сахалинского берега до острова Кунашири — самого большого из южной Курильской группы — немалый путь.

Мы ушли в поход из порта Южного Сахалина, названного японцами Отомари (что в переводе на русский язык значит «Большая стоянка»). Но у этого порта на берегу Анивского залива есть старое доброе русское имя, и мы не забыли его. 17 августа 1805 года кругосветная экспедиция Ивана Фёдоровича Крузенштерна высадила здесь русских матросов и флаг России поднят был над постом Корсаковским, первым русским поселением на Южном Сахалине.

гочисленные самоучители русского языка, словари и переводы наших экономических брошюр, но также и весьма подробную карту Хабаровского и Приморского краёв, с точным обозначением псих районов и всех дорог, ведущих на Север, на Запад и на Юг.

Такая же карта лежала под стеклом письменного стола в кабинете начальника японской гоенной миссии на Сахалине майора Кание.

Уцепившись всеми когтями за южный край Сахалина, японская военщина деятельно готовилась к войне против СССР. И мирный старинный Корсаковский пост на

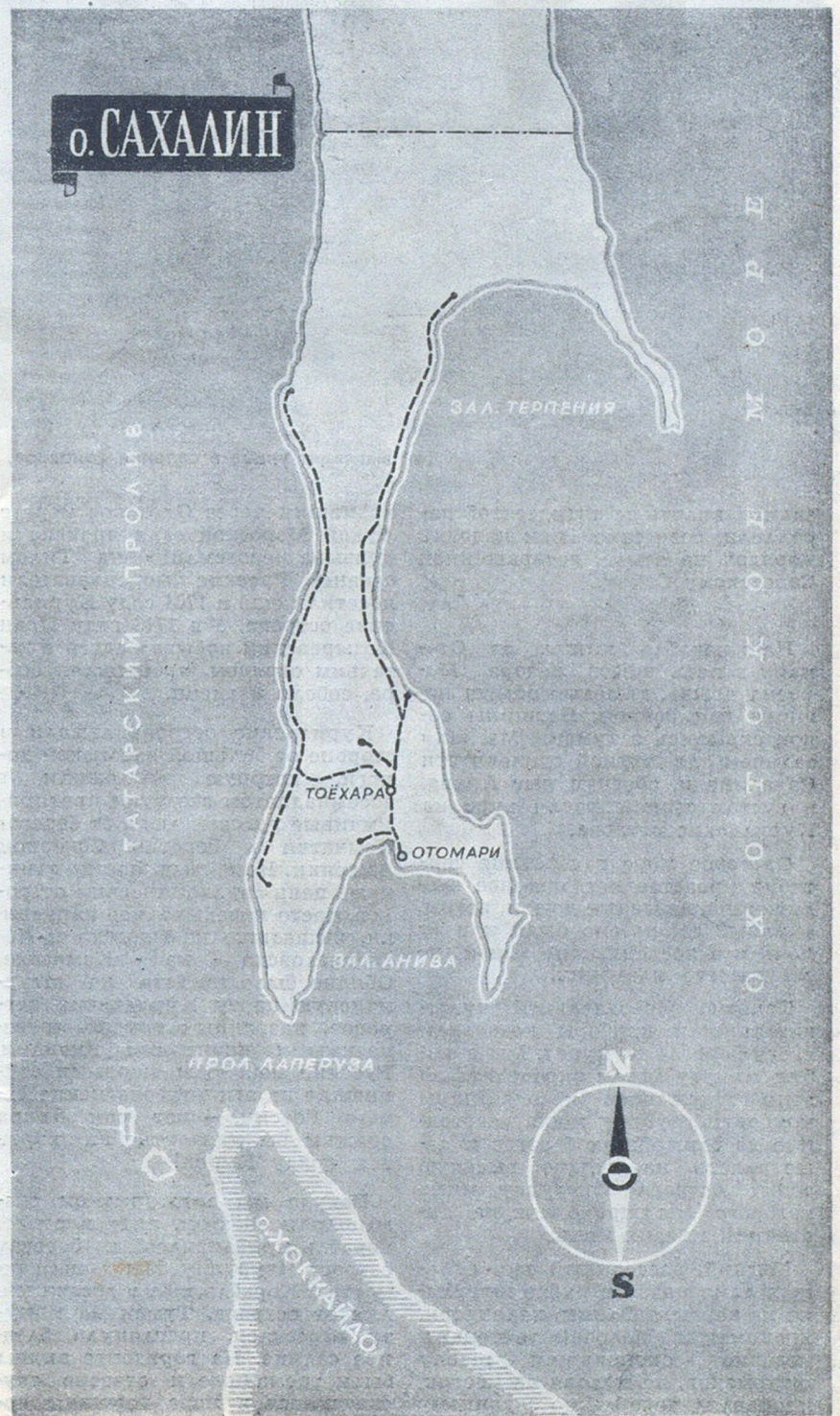
Не лучше выглядит и главная улица города Отомари. Всё построено кое-как, подешёвке, точно японцы чувствовали, что им здесь не удержаться.

140 лет минуло с той поры. Японцы, отторгнувшие от России южную часть Сахалина после войны 1904—1905 годов, уделили немалое внимание порту, названному ими Отомари. Они с поразительным усердием изучали русский язык и ресурсы Дальнего Востока.

В полицейском управлении Отомари я обнаружил не только мно-

живописном берегу залива превратился действительно в большую стоянку военных кораблей.

Военно-морская база японцев в Отомари рассчитана была на весьма серьёзные операции. Японцы затратили много сил и средств на сооружение подземных складов горючего, боеприпасов, продовольствия.

Портовые сооружения занимают громадную площадь. В разных местах города расположены были военные городки, каждый из которых мог вместить целый полк.

Не удалось японской военнице использовать эту военно-морскую базу для того, чтобы нанести удар по Советской стране. Над городом Отомари, над Южным Сахалином развеивается снова флаг нашей родины, а к северу от побережья

безошибочно действующих механизмов. Нельзя было не вспомнить, сидя в этой уютной рубке штурмана, о русских землепроходцах, бороздивших угрюмое Охотское море на парусных шлюпках, на лёгких ботах в конце семнадцатого столетия. Сколько смелости и великой частойности понадобилось каждому из них — и вологодскому крестьянину Владимиру Атласову, ходившему на Камчатку, и казакам,

как которых белели пятна снега. Угрюмо и нелюдимо выглядели берега. И как бы подчёркивая первобытность этих суровых мест на нашей планете, величаво проплыла в двух милях от корабля горбатая чёрная туша кита. Корабль ничем, повидимому, не привлёк его внимания. Идя своим курсом вдоль берега, кит дважды пустил белую струю фонтана, позабавив команду корабля.

Остров Итуруппу, казавшийся с моря пустынным, диким клочком каменистой земли, был быстро за-

ноармейцы. Они тщательно очистили их от мусора, оставленного японцами, повсюду на слой вкус убрали помещения, установили печи. Кое-где заперли уже лозунги, выведенные не совсем уверенной, но трогательно старательной рукой взводного живописца. Портреты Сталина красуются на видных местах.

Над домиком, штаба развеивается красный флаг. Мы не сводим с него глаз, возвращаясь на катере к нашему кораблю. Маленькое алое пятнышко среди чёрных, от-

Так выглядит улица в селении Тойохара, которое японцы громко называли городом.

залива, вплоть до пятидесятой параллели, советские люди наводят порядок на земле, возвращённой Советскому Союзу.

* * *

Наш корабль вышел из Отомари в пять часов вечера. Моросил дождь, тяжёлые облака нависли над рейдом. Вершины сопков скрылись в тумане. Мы шли заливом до южной оконечности Сахалина и, обогнув мыс Анива, в густом тумане взяли курс на Курильские острова.

Охотское море в середине сентября представляет мрачное зрелище: непрерывные дожди, ветры, туманы. Таким оно было и в ту ночь и в последующие дни и ночи нашего плавания.

Точные, поразительной чувствительности приборы позволяли вести корабль по курсу. Мы в любую минуту могли определять по этим жужжащим и цикающим приборам глубину моря, расстояние до ближайших берегов и даже видеть на экране высокую сопку острова Итуруппу, мимо которого мы проходили на дистанции многих миль.

Мягкий, рассеянный свет сильных ламп падал в рубку штурмана на карты, таблицы, календари, хронометры. Молодой лейтенант, недавно окончивший школу штурманов, не выходя на мостик, направлял корабль по заданному курсу, пользуясь показаниями

ходившим через Охотское море с Лукой Морозкой «для происка и призыва новоземлиц» на Тихом океане! Русские мореплаватели посетили ещё в 1704 году Курильские острова, а в 1713 году Иван Козыревский побывал здесь с казачьим отрядом, промысливая бобра, соболя и лисиц.

Курильские острова лежали в стороне от большой океанской дороги, которую проложили в восемнадцатом столетии предприимчивые русские люди от берегов Камчатки к берегам Северной Америки. Но и сюда, на эту длинную цепь вулканических островов, часто наведывались парусники, вышедшие из Охотска и Петропавловска — на Камчатку. Обидно было глядеть на штурманскую карту Курильских островов, названных трудно произносимыми японскими именами. Русские мореходы, первыми ступившие на эти тихоокеанские берега России, — вот чьи имена должны бы украсить на карте всю гряду Курил!

Покуда мы с штурманом размышляли об этом, сидя в рубке, корабль приблизился к берегам острова Итуруппу. Мы вышли на мостик. Корабль шёл в десяти милях от острова. Туман на минуту рассеялся, проглянуло бледное солнце. На горизонте видны были громадные и отвесно спускающиеся в море вершины потухших вулканов, сопков, в склад-

чат советскими войсками. Наш десантный отряд разоружил здесь несколько тысяч японских солдат и офицеров, взял в плен генерала, очень удручённого тем обстоятельством, что его пленил майор.

Десант расположился на этом, с виду безлюдном острове.

Снова накрыл нас туман. Корабль лёг на новый курс, направившись к северу от Итуруппу, к соседнему острову Уруппу. Он располагает двумя удобными бухтами и занимал не последнее место в системе японских укреплений на Тихоокеанском побережье.

Воины Красной Армии заняли самый далёкий тихоокеанский рубеж нашей родины всего лишь семь дней тому назад. Но они говорят о себе с полным сознанием значения этих слов:

— Мы уже обжились на новом месте, курильцами стали...

Саратовцы, рязанцы, москвичи, ленинградцы пришли на Курильские острова, на берега Тихого океана с гордым сознанием высокой ответственности, возложенной на них родиной.

— Далеко нас послала родина, — говорят они, — на самый край нашей земли. Суровые здесь места. Скалы, сопки, туманы да дожди. Но русский человек и здесь чувствует себя как дома. Поглядите, как устроились бойцы!

Мы осмотрели казармы, домики, в которых разместились крас-

но шлифованных океаном скал, точно пламя, рвётся кверху, расстилается по ветру. Никогда флаг нашего отечества не вызывал в нас такой взволнованности, как в этот день, на краю нашей земли, на курильском острове Уруппу.

Семьдесят лет сюда не ходили русские люди. Они вернулись к берегам, которые открыты храбрыми землепроходцами, нашими соотечественниками, в восемнадцатом столетии.

В полночь наш корабль снялся с якоря и вышел к острову Синсиру, расположенному к северу от Уруппу. Переход по океану занял шесть часов, и на рассвете слева по борту открылись высокие, скалистые берега Синсиру. Сильный знойный ветер раскачал океан, пятибалльная зыбь подхватила наш катер, как спичку, и мы с трудом добрались до берега. Офицеры-пехотинцы, следовавшие с нами для определения возможного места высадки воинских частей на острове, были огорчены: трижды пытались мы пристать на катере к скалам, но прибой лишил нас возможности высадиться. Наконец, рулевой уловил удобный момент и направил катер в узкую щель между двумя острыми краями скал. Мы выбрались на берег. Никаких признаков жизни не обнаружилось на восточном берегу острова. Взошедшие на высокую, покрытую карликовыми берёзками сопку, мы обнаружили несколько поки-

нутых японцами дзогов, остатки траншей, развалившиеся баракы и блиндажей. Повидимому, японский гарнизон перебазировался на другое место. Берег был усеян необозримым количеством уток и гусей. Непуганная птица тоже заставляла предполагать, что люди ушли отсюда давно.

— Отличная площадка для нас, — говорил начальник десанта, измеряя небольшую полянку среди поросших зелёным мхом скал. — И ручей близко. И топлива предостаточно.

Мрачный пейзаж безлюдного, затерявшегося в океане острова воспринимался им без всякой скидки на романтику. На скалистом берегу, казалось, исключавшем возможность высадки десанта, он отыскал сносное для причала место. И когда мы, измученные переходами через сопки, промокшие до нитки, вернулись к катеру, он с удовлетворением заявил:

— Вполне подходящий островок.

И нам стало казаться, что здесь действительно не так уж неприглядно. А тут ещё показалось из туманной завесы солнце, осветило вершины сопок, проложив серебряную тропу в океане. Всё вокруг мгновенно преобразилось, и даже чёрные камни, возле которых танцевал на волнах наш катер, приобрели какую-то привле-

кательность. Впрочем, наш рулевой краснофлотец Кошкин не изменил к ним своего отношения и, спасая катер, поспешил вывести его подальше от бурунов, вкипавших у каменистого берега.

Едва мы отошли от острова, как снова навалился туман. Корабль пропал из виду. Мы шли к нему на его зычный голос, сирена вывела нас из тумана к борту корабля.

Обогнув с севера остров Синсиру, мы обследовали его западный берег. Мы прошли на катере вдоль берега, занятого уже первой десантной партией, высадившейся несколько дней тому назад. Два посёлка, разделённые холмом, обжиты бойцами, встретившими нас, как встречают людей, прибывших от берегов далёкой родины. Боец Кудряшов из Саранска спросил сигнальщика, пришедшего с нами на катере, давно ли мы с материка и что нового там, на родине, на «Большой земле». Сигнальщик с корабля не мог ничего ему ответить, так как тоже давно не был на материке. Бойцы, пришедшие на пустынный остров Синсиру, спрашивали о Москве.

— Приёмник наш разладился, который день Москву не слышали, — с огорчением говорили они.

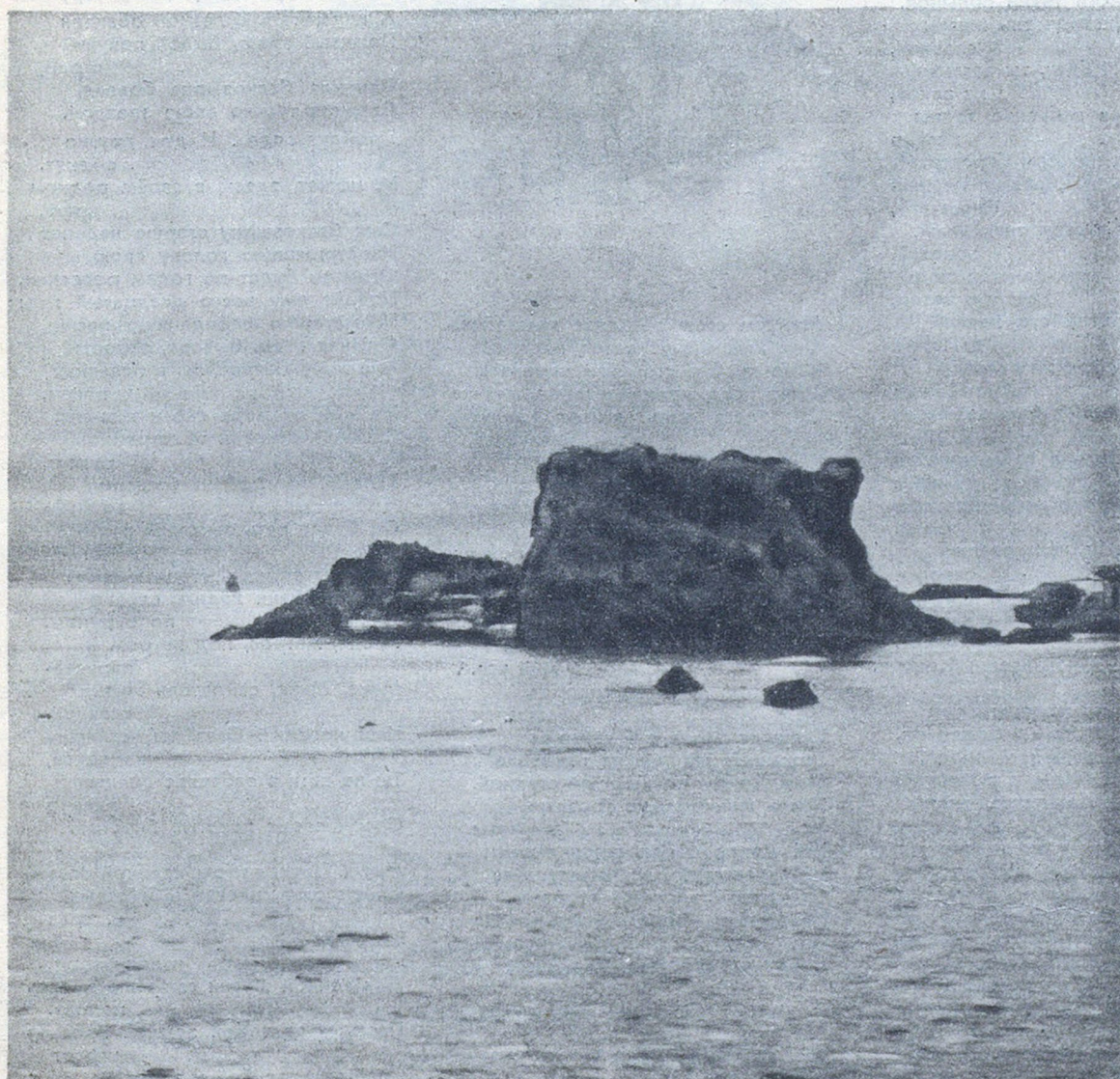
Мы тоже давно не видели Москву и тоже соскучились по ней.

— Вы раньше нас пойдёте на материк, — сказал боец Ку-

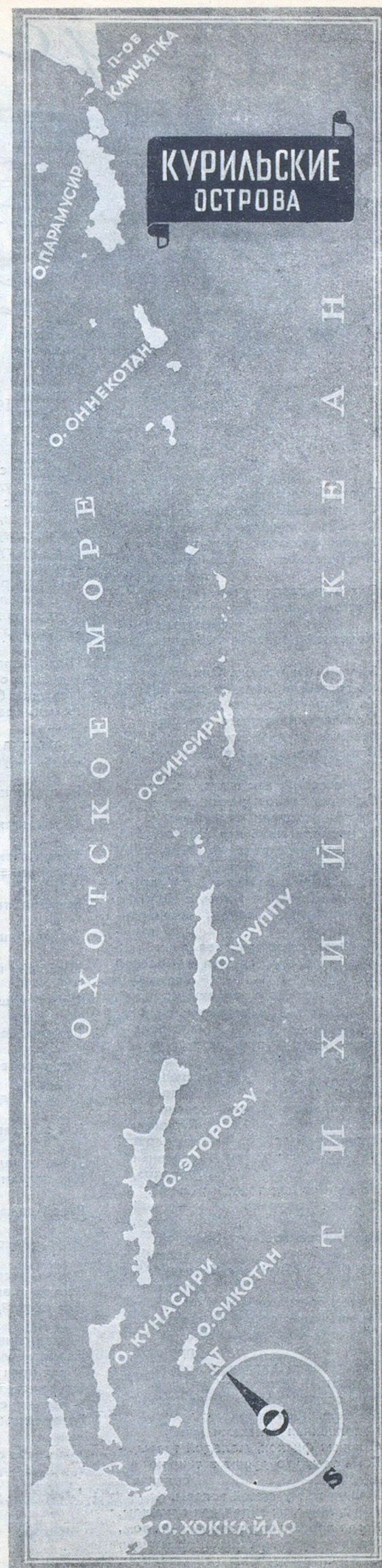
дряшов. — Передайте там, что мы здесь, на Востоке, будем зорко нести свою службу на новом советском рубеже.

Эти слова врезались в мою память, и они неотделимы от всего увиденного на дальнем, самом дальнем нашем восточном рубеже.

Медленно отходил корабль от берегов Курильского острова. Скрылся в тумане посёлок с красным флагом над красноармейской казармой, расплылись, растаяли чёткие контуры высокой сопки, и только белые пятна снега на её вершине долго видны были с мостика. Потом и они исчезли — и на все четыре стороны света осталось только море. Мы шли на югозапад. Позади нас, над Курильской грядой, занималась заря. Бойцы на Курильских островах увидят солнце первыми из советских людей. Оно взойдёт над ними раньше, чем над любым из живущих на нашем материке. На далёком океанском рубеже встали сыны нашей родины.

Многие острова Курильской гряды некогда были огнедышащими вулканами. Но вулканы давно потухли. На поверхности моря остались причудливо изломанные скалы. Издали они похожи на развалины старинных башен.

Миус

Анатолий Софронов

Рисунки В. Богаткина

Здесь было поле боя. Поле славы
Спускалось к обгарённым берегам,
Отсюда шёл налево и направо
Рубеж, деливший землю пополам.
Над ковылём, над полыном

Здесь выросли колючие кусты—
Местами ржавой, спутанной,
спиральной—
Железной проволоки. Жёлтые

Здесь были моряки. Они на суше
Не гостевали, коль пришла беда;
Из гимнастёрок их морские души
Мелькали, полосатые, всегда.
Весёлые, во всей красе и силе,
С морской солью в сердце и в

Они с собой, как талисман, носили
Морские бескозырочки свои.
Окопы называли «полубаком».
И, несмолкавший над Миусом бой,
Идя подряд в девятую атаку,
«Авралом» называли меж собой.
Здесь были степняки и были горцы,
С Дуная люди, с Волги, с Иртыша;
Днепровцы и азовцы, черномор-

Морская слава, русская душа!
И с ними был, служил в морской

Моряк из Ейска, парень молодой,
И в плавании, в сражении ли,

Носил гитару вечно он с собой.
Он звал её «подружкой семи-

И пел, вплетая в наши голоса:
«Мы в жизни ходим, словно по

Крепи, матрос, под ветром паруса!
Не жди, матрос, ты в плавании

Не жди от моря сна и тишины.
Сжимай штурвал обветренной

Взлетай на гребень бешеной
Он был любим, как баловень,

И всем платил он дружбой золотой,
Русоволосый, с синими глазами,
С душой ещё мальчишеской,

Над тёмною кипящею водою,
Прошитою осколками до дна,
Над острою грядой береговой
Вставала ночь весенняя, темна,
Наполненная запахами мяты,
Степных фиалок, молодой травы,—
Всем тем, что душит в тишине

И шелестит у самой головы.
Миус, Миус, ты видел, как однажды,
Когда прошёл артиллерийский гром,
Моряк с губами, серыми от жажды,
Склонился возле хаты над ведром.

А рядом с ним стояла и смотрела,
Чему-то улыбаясь своему,
Дивчина с кожей вечно загорелой,
С глазами, будто в тающем дыму.
Он разогнулся и сказал: «Спасибо»,
И вытер губы, медля, рукавом...

Ему б идти уже, но он не в силах
Был повернуться от неё кругом.
И он сжал, смотрел, не отрываясь,
Вокруг не замечая ничего;
Он словно в жизни не видал

И это была первая, его.
Так было суждено, и так случилось,
Исполнен был их юности зарок;
Ковыль-трава им в поле

И лёг под ноги тихий полынок.
Миус, Миус, свидетель жизни

Наш кровный брат, ты встанешь
Ты не кати в забвенье волны

Среди своих покатых берегов.
Ты помнишь всё, всему ты наш

Войдёшь ты в свод тиснённый,
Ты помнишь, как свистел над

Над той, крутой сто первой
Ты помнишь, как по склонам

Бежали моряки, и был тяжёл их
Как становились в те мгновенья

Седыми вдовами, скорбящими
Как выл свинец, как резали

Траву и камень, глину и песок,
Как падали среди трав осенних,

Рукой зажав простреленный висок.
Миус, Миус, ты помнишь, как

Моряк русоволосый, молодой,
Уже не с автоматом, а с кинжалом
Над острой, каменистою грядой.

Как за спиною на его гитаре
Подрагивали струны находу;
И как упал он, будто кто ударил
Его лицом о жёлтую гряду.
И только струны гулко зазвенели,
Разорванные резко пополам

Осколком остывающим шрапнели,
Неслышно загремевшим

А он всё полз, на камнях оставляя
Кровавый след, на гребень высоты,
И кровь его, огнём души играя,
Кропила неумершие цветы.

И он дополз, рука его разжалась,
И замер он, навеки молодой,—
И бескозырка на камнях осталась
Над той крутой сто первой

Здесь шла война. Прошла путём
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих

В ромашках белых, в пыльной
Изъеденные ржавчиною злою,
Исцеченные дикой коноплей,
Они, как будто, точатся травой,
Дождём и ветром, небом

Мы едем по степи. Дорога вьётся,
Шныряет меж курганов и холмов;
Меж красноватых каменных

Среди укрытых вишнями домов,
Скрипят возы с пшеницей золотою,
Быки лениво трусят по пыли;
Степным дурманым травяным

Нас манит поле жёлтое вдаль.
Здесь шла война. Прошла путём
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих

В ромашках белых, в пыльной
Изъеденные ржавчиною злою,
Исцеченные дикой коноплей,
Они, как будто, точатся травой,
Дождём и ветром, небом

Мы едем по степи. Дорога вьётся,
Шныряет меж курганов и холмов;
Меж красноватых каменных

Среди укрытых вишнями домов,
Скрипят возы с пшеницей золотою,
Быки лениво трусят по пыли;
Степным дурманым травяным

Нас манит поле жёлтое вдаль.
Здесь шла война. Прошла путём
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих

В ромашках белых, в пыльной
Изъеденные ржавчиною злою,
Исцеченные дикой коноплей,
Они, как будто, точатся травой,
Дождём и ветром, небом

Мы едем по степи. Дорога вьётся,
Шныряет меж курганов и холмов;
Меж красноватых каменных

Среди укрытых вишнями домов,
Скрипят возы с пшеницей золотою,
Быки лениво трусят по пыли;
Степным дурманым травяным

Нас манит поле жёлтое вдаль.
Здесь шла война. Прошла путём
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих

В ромашках белых, в пыльной
Изъеденные ржавчиною злою,
Исцеченные дикой коноплей,
Они, как будто, точатся травой,
Дождём и ветром, небом

Мы едем по степи. Дорога вьётся,
Шныряет меж курганов и холмов;
Меж красноватых каменных

Среди укрытых вишнями домов,
Скрипят возы с пшеницей золотою,
Быки лениво трусят по пыли;
Степным дурманым травяным

Нас манит поле жёлтое вдаль.
Здесь шла война. Прошла путём
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих

В ромашках белых, в пыльной
Изъеденные ржавчиною злою,
Исцеченные дикой коноплей,
Они, как будто, точатся травой,
Дождём и ветром, небом

Мы едем по степи. Дорога вьётся,
Шныряет меж курганов и холмов;
Меж красноватых каменных

Среди укрытых вишнями домов,
Скрипят возы с пшеницей золотою,
Быки лениво трусят по пыли;
Степным дурманым травяным

Нас манит поле жёлтое вдаль.
Здесь шла война. Прошла путём
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих

В ромашках белых, в пыльной
Изъеденные ржавчиною злою,
Исцеченные дикой коноплей,
Они, как будто, точатся травой,
Дождём и ветром, небом

Мы едем по степи. Дорога вьётся,
Шныряет меж курганов и холмов;
Меж красноватых каменных

Среди укрытых вишнями домов,
Скрипят возы с пшеницей золотою,
Быки лениво трусят по пыли;
Степным дурманым травяным

Нас манит поле жёлтое вдаль.
Здесь шла война. Прошла путём
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих

В ромашках белых, в пыльной
Изъеденные ржавчиною злою,
Исцеченные дикой коноплей,
Они, как будто, точатся травой,
Дождём и ветром, небом

Мы едем по степи. Дорога вьётся,
Шныряет меж курганов и холмов;
Меж красноватых каменных

Среди укрытых вишнями домов,
Скрипят возы с пшеницей золотою,
Быки лениво трусят по пыли;
Степным дурманым травяным

Нас манит поле жёлтое вдаль.
Здесь шла война. Прошла путём
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих

В ромашках белых, в пыльной
Изъеденные ржавчиною злою,
Исцеченные дикой коноплей,
Они, как будто, точатся травой,
Дождём и ветром, небом

Мы едем по степи. Дорога вьётся,
Шныряет меж курганов и холмов;
Меж красноватых каменных

Среди укрытых вишнями домов,
Скрипят возы с пшеницей золотою,
Быки лениво трусят по пыли;
Степным дурманым травяным

Нас манит поле жёлтое вдаль.
Здесь шла война. Прошла путём
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих

В чуть горьковатом запахе полыни,
На тонком лёжа, шерстяном листе.
Арбузы зреют. Полосатой кожей
Они напоминают камуфляж...

А вот остаток дота, он был сложен
На месте том, где ныне встал

Среди садов, которых запах
Командный пункт, КП седого деда,
Живущего на свете сотый год,
Который видел, как пришла победа
Здесь мир теперь. Среди этих

Он вновь себе пристанище
Как запах улья под жужжаньем
Стоит жара. К одной из хаток

Я подхожу и вижу у ворот
Дивчину с кожей вечно загорелой
И головы знакомый поворот.
Я знал её... Я здесь бывал когда-то.
Черты я помню милого лица...

Как будто тень матросского
Лежит ковром широким у крыльца.
На нём сидит ребёнок,—

В пуху лебяжьем, будто голова;
В глазах его какая-то стальная,
Но чистая, как море, синева.

Глаза такие я встречал однажды,
Их к этой хате посреди села
Дорожная, настойчивая жажда
Когда-то без ошибки привела.
Мы узнаём друг друга постепенно,
Мы входим в дом— и вдруг

Как обелиск из мрамора
Висит гитара с порванной струной.
А над гитарой, лентой обвивая
Помятый гриф, бывлой певучий

Поникла бескозырка боевая,
Сверкая тускло алою звездой.
Пройдут года... И дни другие

И, может, здесь, в своём родном
Сын бескозырку старую наденет
На стриженую голову свою.
Отцу он будет по годам ровесник,
Пойдёт ему всего двадцатый год;
И, матерью переданную песню,
Он, как отец, бывало, запоет:

«Не жди, матрос, ты в плавании
Не жди от моря сна и тишины;
Сжимай штурвал обветренной

Взлетай на гребень бешеной
Он будет петь высокий, русский,
И будут слушать степи и леса:
«Мы в жизни ходим, словно

Крепи, матрос, под ветром
Миус, Миус, свидетель жизни
Наш кровный брат, ты встанешь
Ты не кати в забвенье волны

Среди своих покатых берегов.
Миус, Миус, рубеж великой славы,
Среди огня, цветов и мёртвых

Ты встал навек простой
Для вечной жизни смертью смерть
Пусть пред тобой земной простор

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

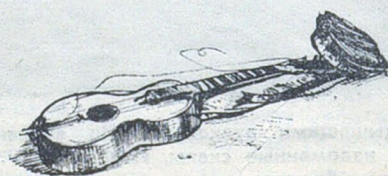
Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Зелёный, голубой и золотой;
Пусть памятник Бессмертию
Над той крутой Сто первой

Рисунки В. Щеглова.

ТВОРЧЕСТВО ПОБЕДЫ

Всеволод Иванов

На шоссе стояли две грузовых машины, забрызганных грязью. Из радиаторов с шипением нёсся пар, точно влага из какого-нибудь отверстия несущего шланга. Устремив мрачный взор в небо, возле спаренных пулемётов, называемых у зенитчиков «четверёнками», замерли наводчики, а из кабины передней машины, тяжело опершись на борт, высывалась атлетически сложенная фигура подполковника, разговаривавшего с майором Черноглазовым. Это был подполковник Григоренко. Произошло то, чего опасался генерал Кочергин. Потрёпанные и озлобленные донельзя немецкие подразделения выходили на дорогу, на которую с минуты на минуту могли выйти несколько тысяч узников, освобождённых из лагерей. Майору Черноглазову сообщили об этом только что, и он передавал это сообщение подполковнику. Подполковник, слушая майора, решал, что ему делать. Нужно немедленно мчаться к южной оконечности озера Миди, но нужно и встретить немецкие самолёты, которые непременно прилетят к торпедному заводу и с которыми у подполковника были свои, давние счёты.

Подполковник взглянул в небо, что-то скомандовал; команду подхватил другой офицер. Лицо у подполковника вдруг изменилось, стало простое, доброе, он взял художника Михеева под руку, помахал фотокорреспонденту Васе и, глядя на них обоих большими и ласковыми глазами, сказал:

— Да уходите вы, пожалуйста, из линии огня! Немцы!..

...Снижается самолёт. Падает... На лазурном и трепетном небе показался чёрный, точно смятая суконка, небольшой дымок. Он рос, окружал самолёт. От самолёта отделились два золотисто-белых клубочка шёлка... парашюты.

И вдруг раздался гул, удар — самолёт упал в холм, среди сосенок, километрах в полуторах от завода и шоссе, на котором они лежали. Все вскочили. Вася тряс руку подполковнику, и тот говорил Васе:

— Видите, видите? Их наши истребители встретили и гонят.

— А я думал всё немцы.

— Всё? — смеясь, сказал полковник. — Не те времена, чтоб всё!

Вася отпрыгнул, направил аппарат на подполковника и щёлкнул. Красиво! На всю полосу. Подполковник спасает торпедный завод и сбивает немецкий самолёт. Сейчас еду к самолёту, а оттуда

на аэродром в Познань, плёнку грузу в «Дуглас», и послезавтра вас, товарищи, видит вся Москва, восхищается, плачет. Тридцать на сорок, вы в центре Москвы, в витрине. Всё!

И, прежде чем Михеев успел сказать слово, Вася вскочил в свою машину и умчался. И Михеев не без известного облегчения сказал:

— Теперь, ввиду безвозвратного ухода нашей машины, смею проситься к вам на «четверёнку», товарищ подполковник. Я художник, присланный в части генерала Кочергина рисовать портреты героев. Начнём с ваших людей...

— Среди моих людей немало героев. — хмуро и холодно сказал подполковник, выбирая по карте дорогу к южной оконечности озера Миди, — но немало и таких, которые ещё не люди, а кобур человека. Зазоры, зазоры проверь! — крикнул он шоферу, который озабоченно рылся в моторе. — И немедленно исправить. А пулемёты как? Проверены?

Машина — исправна. Шофер сидел за рулём, наводчики стояли у пулемётов, патронов — восемнадцать тысяч. Подполковник, далеко отбрасывая папироску, спросил:

— Так чего ж вы хотите, товарищ художник? Это ж бой!

— Я и хочу в бой, — сказал Михеев. — С вами, товарищ подполковник.

— Со мной нельзя, — проговорил подполковник. — Там либо рота либо дивизия. Либо мы их разгоним, как мух, либо погибнем героями. Нет, со мной нельзя.

Подполковник поставил ногу на колесо, чтоб вспрыгнуть в машину, и на мгновение задумался. Тревожный, страстный и, видимо, упорный этот человек правился ему. И будь время, он поговорил бы с ним откровенно, даже, может быть, пожаловался ему на своё большое горе: налетели нынче самолёты, прорвались почти к самому штабу генерала немецкие танки, и, защищая командование, погиб почти весь его зенитный полк. И фигура Михеева нравилась ему: такой он приметливый, видный. Вот такое бы пополнение...

— Надо мстить, — сказал он после короткого молчания тихим голосом, — мы не баловаться сюда приехали, а мстить.

Михеев воскликнул:

— Мстить?! А вы думаете — мне некому мстить? У меня здесь, вот в этих лесах, в концлагерях мучается мать. Я её ищу. Я её искал здесь, на заводе. Мне разве не надо мстить за мать?! А вы не берёте меня. Баловаться?! Я был уже на войне, умею обращаться

с оружием. Дайте мне оружие, пустите меня на машину! Вы не имеете права отправлять меня в Найльдам, когда среди освобождённых, которых вы едете спасать, моя, моя...

Слёзы показались на его глазах.

Григоренко внезапно сжал кулаки и трясущимися губами сказал шоферам:

— Если вы мне сейчас не дадите девяносто километров, пишите завещание. Полным ходом! — и, обернувшись к своему заместителю, добавил: — Художника во вторую машину... в кузов... выдать атомат.

* * *

К концу дня немцы взорвали большой мост автостреды, к которому они относились всепочтительнейше, как к любимому детищу своей техники. Взлетели и рухнули в Одер нарядные перила сиреневого цвета и огромные фонари в оранжевой оправе. Но два пролёта, приподнявшись, застряли в воздухе, точно вздетые в отчаянии руки. На фонарях торчали вспухшие трупы дезертиров, повешенных по приказу Гиммлера в наидание всем бегущим от неудержимого наступления русских.

При виде моста генерала Кочергина охватило то блаженное состояние, навряд ли часто встречающееся, когда человеку кажется, что он как бы врезан в будущее, когда он чувствует, что это знание будущего и есть само будущее, когда это знание объединяет в себе всё бытие во времени, делая его единым и цельным, служа умозрительным доказательством несходимости свершающейся правды. Правда, эта мощная тень всего существующего, заключает в себе отражение и прошлого, и настоящего, и будущего. И с этой правдой, несомненно, связана идея творчества, поскольку творчество есть открытие того, что до известного момента было скрыто и не проявлено, что таилось как некая возможность, некая, ещё не вскрытая потенция. Представлять, знать, верить — это уже значит и создавать, творить...

Впрочем, это блаженное состояние осуществляющейся правды владело не только одним генералом Кочергиным. Без боязни ошибиться брызги этого чувства можно было искать на каждом лице многих солдат и офицеров, подошедших к Одеру.

Ожидавшие переправы отдыхали на песчаном пригорке, в яблоневом саду. Яблони были рассажены строго по квадратам, но цвет, ещё не распустившийся, розовый, прелестный, несокрушимо внешний, бодро соединил их и словно попереблудывал их ветви. Розовые отцветы ветвей дрожали в лужах за брустверами окопов, в последних кристаллах быстро таявшего весеннего снега и даже на грязных, кем-то брошенных здесь пустых железных бочках из-под бензина. Блаженное состояние, охватившее солдат, не могло не проявиться наружу, и оно вырвалось, как только к ним приблизился генерал.

С того давнего времени, когда Володя Кочергин, юный гусарский офицер, вступил в Первую Конную и стал обыкновенным квартирмейстером дивизии Пархоменко, он всячески стремился к одной цели: убедить, увлечь, заставить военнотружущих наилучше действовать в интересах Красной Армии и советского отечества. До того он был просто гусаром. Теперь он стал лейб-гусаром народа, его телохранителем, подчинив всю свою волю и чувства народу, выработав в себе состояние непрерывной, воинственной эмоции. И солдаты это понимали и любили его за это. Размерами он никак не походил на тяжёлый ледоход, хотя и ломал самые непроходимые, казалось, льды сопротивления противника, — это был подвижной комочек огня, который всё расплавлял вокруг себя. Ирония и пафос его речей, восклицания, гипербола, обращения, вопросы в пространство, интонация, жесты убеждали, внушали, увлекали. Красноречивы даже были его походка, его автомобили, его охрана псади, автоматчики, адъютанты. Он в совершенстве знал лексикографию военной победы — и сам был этой лексикографией, наукой о составлении практического слова войны за народ.

Великолепной, быстрой походкой он вышел из машины, прошёл несколько шагов, достал длинный бинокль и стал смотреть на ту сторону Одера, откуда доносилось тяжёлое уханье немецких орудий: «Гвуа, гвуа!» Казаки стояли поодале, как требовалось по казачьим приличиям и благопристойности, но стояли именно в таком отдалении, что слышно было не только каждое их слово, но и самый тихий вздох.

Казак с простым и кругловатым и приятным лицом, освещённым печальным взглядом больших глаз, проговорил почти про себя:

— Ишь, кривоногий, бьёт!

Казак хотел сказать этим, что воевать, должно быть, не скоро кончим и что добро, которое мы несём, ещё, должно быть, не все понимают. Это было очень хорошее раздумье, и оно вполне отвечало мыслям всех, в том числе и мыслям генерала. Но одно только не нравилось в них: «не скоро». Нет, скоро и очень даже скоро. Скоро и очень скоро вся немецкая стратегия и техника будут взорваны и взлетят вверх, как этот мост, и на фонарях будут висеть уже не трупы этих дезертиров, а упитанные фигуры главарей фашизма. Об этом надо сказать кратко, ясно, положив всё на кон. И генерал сказал:

— Оттого фриц с коня валится, что мама криво посадила.

Казаки захохотали. Захохотал и казак с простым и кругловатым лицом.

Генерал спросил:

— Гвардеец! Немец твою станицу съжёт?

Казак с простым и кругловатым лицом застенчиво ответил:

— Так точно, товарищ гвардии генерал-лейтенант. И былички не осталось.

— Скоро будет вместо Берлина вымоина, а от Гитлера — жижа.

Казаки заговорили наперебой:

— Значит, на Берлин, без пересадки?

— Жиганули здорово, хорошо б без пересадки!

— Нам бы Гитлера живьём забрать!..

— И Геббельса в пару!..

— Да и повесить!.. ...

— Ха-ха-ха!!!

— Хо-о!!!

— А потом бы дезинфекцию: карболовкой да сулемой Германию промыть, как нужник!..

— Ха-ха-ха!!!

С весенней медлительностью приближался нежный закат. Яблони, точно выпитые, были в нежных испарениях и золотились. Прилетела ворона, села на деревцо, и крылья её тоже покрылись позолотой. Она каркнула раза два в сторону Одера.

— Видишь, и немецкая карга подтверждает, — сказал генерал, указывая биноклем на ворону. — Они у них учёные, бабушки. Тогарищ капитан! Ваши люди. Операция удачная! Выдать по чарке! Авось, уснёте спокойно: расседлать расседлали, а выходить не выходили.

Он хотел сказать, что напряжение после боя ещё не улеглось, а отдохнуть перед следующим боем необходимо и, тем более, перед боем за Берлин. Генерал и сам чувствовал, что вряд ли уснёт сегодня, и ему было приятно, что казаки понимают его, потому что казак с простым и кругловатым лицом, уже развеселившийся, сказал:

— Пасху-то уж, стало быть, на том берегу справим, товарищ генерал-лейтенант?

— Пасху? А, постой! Разве она скоро?

Казак улыбнулся: «Ишь, разве не знаете?» — и сказал: — Да, уж яички красим, куличи печём!

Казаки захохотали, потому что как раз в эту минуту через головы их пролетело в сторону немцев несколько артиллерийских снарядов.

Посмеялись, перебросились ещё несколькими вескими и острыми, как копьё, фразами, выпили по чарке, закусили сухарём и свиным салом, и генерал сел в свою машину. Он был доволен и по лицам казаков видел, что и они довольны и удовлетворены беседой. «Да, представлять, знать, верить — это уже, значит, и создавать, творить», — думал генерал, чувствуя, что острое состояние блаженства, с которым он приближался к Одеру, не только не покинуло его, но ещё более укрепилось в нём.

Когда он приближался к дому штаба в Найльдаме, он увидел, что с противоположной стороны туда несутся грузовик и «четверенька» подполковника Григоренко. Он вспомнил о смерти младшего брата подполковника — Коли, — и в сердце его заныло. Генерал стремительно выскочил из машины и побежал к грузовику.

— Задание выполнено, товарищ гвардии генерал-лейтенант. Противник, пробивавшийся к шоссе с целью уничтожить цистерны, направляющиеся к Найльдаму, а также с целью уничтожить колонны освобождённых, задержан и уничтожен. Имею девять пробоин в пулемётах, машина одна остановилась, ремонтируется... пробит радиатор, повреждено охлаждение. Патронов осталось 500, израсходовано — 18 тысяч; противник понёс потери: убитых — 300, плененных, принятых гвардии майором Черноглазовым, — 900.

— Ранен! — вскричал генерал.

Григоренко, пощупав свободной рукой голову, сказал:

— Слегка! Хорошо, что пуля не пробилась насквозь, а то не мог бы доложить, товарищ...

Генерал, отступая от него, проговорил:

— Для чего я живу до сих пор? Чему я вас научил? Что вы со мной делаете? Кру-у-гом, марш! В запчасть, немедленно!

Григоренко, не отнимая рук от головы, повернулся и пошёл крупным, размашистым шагом, точно на параде. Генерал, глаза которого наполнились слезами от восторга, крикнул ему вслед:

— Благодарю! Представляю весь экипаж к званию Героев Советского Союза! Благодарю! Выручил, подполковник!

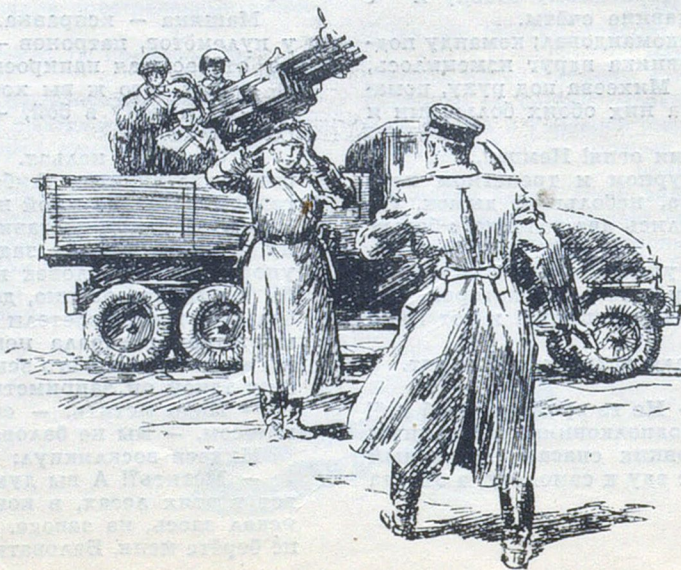
Григоренко полуобернулся, и тут все вдруг понял, что он преодолевает чудовищную, почти невыносимую боль раны. Григоренко сказал:

— Разрешите доложить... в числе экипажа состоял и журналист товарищ Михеев...

— Боже мой, чему я вас учу? — воскликнул генерал. — Когда вы будете культурными? Не журналист, а художник! Где он? — и, повернувшись к Михееву, закричал отчаянно: — Ну, а вы, культурный человек, вы что со мной делаете? Зачем вы влезли в машину? Ах ты, ох ты, батюшки! Ведь я же за вас перед государством отвечаю!

Михеев, сумрачный, большой, медленно вылез из машины. Его одежда и крупное лицо были покрыты землёй и словно прижаты местами, как прижатное морозом поле. Вытирая ладонью губы и глядя на свои ботинки, он проговорил:

— А вы знаете, товарищ генерал, я не раскаиваюсь. Прежде всего это лучший способ познания добра и зла, а затем — это очень живописно: мороз по коже, девяносто километров в час машина и тысяча пуль в минуту!

Бывалый солдат, герой Вислы, Леонтий Тимофеевич Тютюнников.

Рисунок В. Климашина
(Студия имени Грекова)

Всемирная история вырывает из тьмы времён страны и города, заливая их светом, сосредоточивает на них внимание народов, чтобы потом перейти к другим странам, к другим городам, погружив прежние в мрак забвения. Так светил человечеству своего времени Вавилон. Так озарены были сиянием античной культуры Афины. Так центром средиземноморской культуры стал Рим. Это были не только столицы замечательных государств. Это были и мировые центры культуры, светочи цивилизации.

В новые времена из длительного мрака средневековья встаёт перед человечеством Париж. Он несёт народам новое слово. В нём рождаются великие идеи буржуазной революции. В нём у колыбели европейской демократии стоят выдающиеся мыслители, революционеры, писатели. Салтыков-Шедрин писал о Франции и Париже: «С представлением о Франции и Париже для меня неразрывно связывается воспоминание о моём юношестве, то есть о сороковых годах. Да и не только для меня лично, но и для всех нас, сверстников, в этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь и в известном смысле даже определяло её содержание».

С того времени прошло сто лет. Солнце всемирной истории давно зашло над Парижем. Интереснейший и ныне город, одна из красивейших столиц мира, он перестал быть светочем мира. Есть ныне другой город, другая столица, в имени которой заключается нечто лучезарное, светоносное, что согревает жизнь миллионов на всём земном шаре и определяет содержание современности.

Эта столица — Москва.

Это слово волнует. Оно означает рождение нового мира. Сюда передвинулся центр всемирноисторического развития. Этого не надо доказывать. Об этом свидетельствуют страсти, страсть любви, страсть ненависти. Москву любят сотни миллионов, Москву ненавидят сотни тысяч. С Москвой всё новое, молодое, растущее. Против Москвы всё отживающее, дряхлое, мертвеющее.

Москвич — это не только житель столицы русского народа, столицы советского народа. Москвич — это почётный гражданин мира. Москвичу завидуют: он может ежедневно переходить Красную площадь, о которой мечтают в самых увлекательных видениях многие народы мира. Посещение Москвы — праздник для советских людей и для иностранцев.

Что такое Москва для Советской страны, для народов Европы и всего мира, почувствовалось с особенной, прямо физической силой в те незабываемые дни, когда гитлеровские орды подкатились к Москве. Гитлер хотел поразить нашу страну в самое сердце, — поэтому он шёл на Москву, шёл сначала прямо в лоб, потом пытался зайти с тыла... Страшные были тогда дни, минуты. Всё отошло на второй план. Москва была перед глазами мира.

Ровно, чётко, без перебоев билось тогда сердце советского народа, — и от этого ровен был пульс всей нашей страны. Москва притихла. Она зорко вглядывалась во врага. Она собирала силы... И когда она ударила вдруг, со всего плеча, наотмашь, враг отлетел на сотни километров и уж не мог потом удержаться; и в этот момент стало ясно, что он будет разбит и уничтожен.

Мы все — современники, живые свидетели, очевидцы чудесных событий, и нам не надо пояснять, что такое любовь к Москве. Все мы её тогда испытывали, пережили с остротой, которая не повторится. Москва и до того близка и дорога была советскому человеку, а с той поры она до боли стала желанной, любимой, родной.

Мы, москвичи, ежедневно проходим по улицам, известным миру, мы бываем на Красной площади, и кому же не хотелось почувствовать себя приезжим, чтобы пережить и испытать новизну любования, чтобы не привычными, а совсем новыми глазами вобрать в себя красоту и величие Москвы!

Москва — центр Советского Союза, а Кремль — центр Москвы. Мы смотрим на высокие здания за зубчатыми стенами в нарядной оторочке зелени, — и каждый раз возникает один образ: там работает товарищ Сталин, там с ним его соратники, славная большевистская дружина. И сюда же по всем линиям широт и долгот направлены взоры мира в значительные моменты политической жизни.

Мавзолей и стена за ним, где начертаны имена творцов Великой революции, — в мире нет большей святыни для трудящихся всех стран. Здесь место рождения новой эпохи. Здесь Ленин. В благоговейном молчании прошли здесь миллионы и пройдут сотни миллионов. Здесь с особой силой ощущается величие наших дней.

Но не только Красная площадь рождает волнующие советского патриота чувства замечательным соединением славной старины русского народа с героическими деяниями советской современности: вся Москва — это памятник прошлого и светоч, озаряющий будущее. Московский университет стал первым рассадником науки в нашей стране, и в его новой славе меркнут отжившие свой век старейшие университеты Западной Европы. Академия наук СССР разрослась в город научного исследования. Сорок сороков институтов создают новую советскую культуру. Мощные заводы обступили Москву со всех сторон, и расгёт она, растёт — и вширь, и ввысь, и вглубь.

Где ещё так работают, так мыслят, так творят, как в Москве! Молода Москва, самая она молодая среди столиц мира, — не по годам своим, а по духу своему, по энергии своей, по живому стремлению идти всегда впереди всех, указывать пути, вести за собой. Нет в Москве того прокисшего застоем запаха, которым отдают старинные улицы иных музейных городов. В тех городах и столицах мёртвое хватает живое. В Москве даже старина обживает и светит по-новому.

Москва по праву занимает первое место в мировой культуре. Есть ли в других столицах мира площадь, которая по своему значению в искусстве сравнилась бы с площадью Свердлова, где сошлись Большой и Малый театры, Колонный зал Дома союзов, где по соседству первый театр мира — МХАТ, где соседит с другой стороны Консерватория?!

В политике ли и экономике, в науке ли и литературе, в технике ли и искусстве — всюду советские люди не хотят и не могут удовлетвориться вторым местом. Не всюду ещё мы заняли первое, но всюду мы к первому идём. Нет в этом ни бахвальства, ни тщеславия. Мы должны быть первыми, потому что мы зачинатели нового мира, мы пионеры в строительстве социализма, ни у кого мы научиться этому делу не можем, а можем лишь использовать прошлый опыт человечества для построения нового.

Москва — центр великого этого строительства. Это делает её центром культурного мира.

У Москвы как столицы есть своё лицо. Это — интересное, выразительное, умное лицо. В Москве отражена вся Советская страна.

Не у всякой столицы есть своё лицо. Австралийский народ на пустом месте выстроил столицу Канберру. Это неплохой город, но у него нет лица. Это государственный аппарат, а не живой город. Такая же столица без своего лица — Вашингтон.

Есть своё лицо у Парижа, Лондона... Но это столицы своих государств, своих империй, административные центры, резиденции торговых компаний. Эти столицы перестали волновать человечество. Солнце всемирной истории отошло от них. От них ничего не ждут. К ним не питают ни любви особой, ни ненависти чересчур страстной.

Эти столицы выросли за счёт своих стран. Они расцветали культурно, обрекая на бесплодие провинцию. Париж и Лондон заглохли собой Францию и Англию. Эти столицы отразили в себе характерные черты капиталистической цивилизации: её пренебрежение к человеку, её ростовщический нрав.

Москва опередила другие столицы в культурном своём росте. Москва продолжает расти. Но с ней вместе растёт вся страна. В этом своеобразие советской культуры. В этом сила ленинско-сталинской национальной политики. Как выросла, как обогатилась за короткое время Москва! Но в это же время расцвели Киев и Минск, Тбилиси и Ереван, Ташкент и Алма-Ата. Такого соцветия культур никогда не бывало в мировой истории. А в самой России Ленинград и Свердловск, Сталинград и Новосибирск продолжают развиваться вместе с Москвой. Нет у нас капиталистической эксплоатации столицей окраин. Москва не заглушает роста других городов, а, напротив, ведёт за собой эти города вперёд.

Война не приостановила этого движения. Она лишь задержала его в некоторых отношениях. А теперь культурное движение идёт вперёд с новой и ещё большей силой.

Светел праздник Великой социалистической революции в Москве. Величаво стоит она в семье советских союзных столиц. И дружеский привет шлют ей Варшава и София, Белград и Бухарест... Слава советскому народу, слава Москве!

Площадь революции

Б. Рыбченков

МОСКВА — СТОЛИЦА СССР — ДРЕВНИЙ РУССКИЙ ГОРОД С ПРЕКРАСНЫМ БУДУЩИМ! МОСКВА — ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ МОГУЩЕСТВА И ВЕЛИЧАЙШИХ МОРАЛЬНЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО НАРОДА.

ЗАПЕЧАТЛЕТЬ ОБРАЗ ЭТОГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ГОРОДА ПОСТАВИЛ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ ХУДОЖНИК БОРИС ФЕДОРОВИЧ РЫБЧЕНКОВ.

ИЗ-ПОД КИСТИ ХУДОЖНИКА ВЫШЛИ ДЕСЯТКИ ПОЛОТЕН — САМЫЕ РАЗНООБРАЗНЫЕ УГОЛКИ МОСКВЫ, ОТ ВЕЛИЧЕСТВЕННОЙ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ, ЯРКОЙ, ПОЛНОЙ ЖИЗНИ И ДВИЖЕНИЯ ПЛОЩАДИ РЕВОЛЮЦИИ, ДО ЛИРИЧНОГО «МОСКОВСКОГО ДВОРИКА».

ВЫПОЛНЯЯ КАЖДОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ЦВЕТОВОЙ ГАММЕ, РЫБЧЕНКОВ НИГДЕ НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ — КАЖДАЯ УЛИЦА, САД, ПЛОЩАДЬ ДАНЫ В СВОЕМ ЗВУЧАНИИ. НАЧАВ КАРТИНУ, ОН ДО САМОГО КОНЦА ПИШЕТ ЕЕ С НАТУРЫ, ВДУМЧИВО НАБЛЮДАЯ КИПУЧУЮ ЖИЗНЬ ГОРОДА И ЗОРКО ВСМАТРИВАЯСЬ В ЕЕ КРАСКИ.

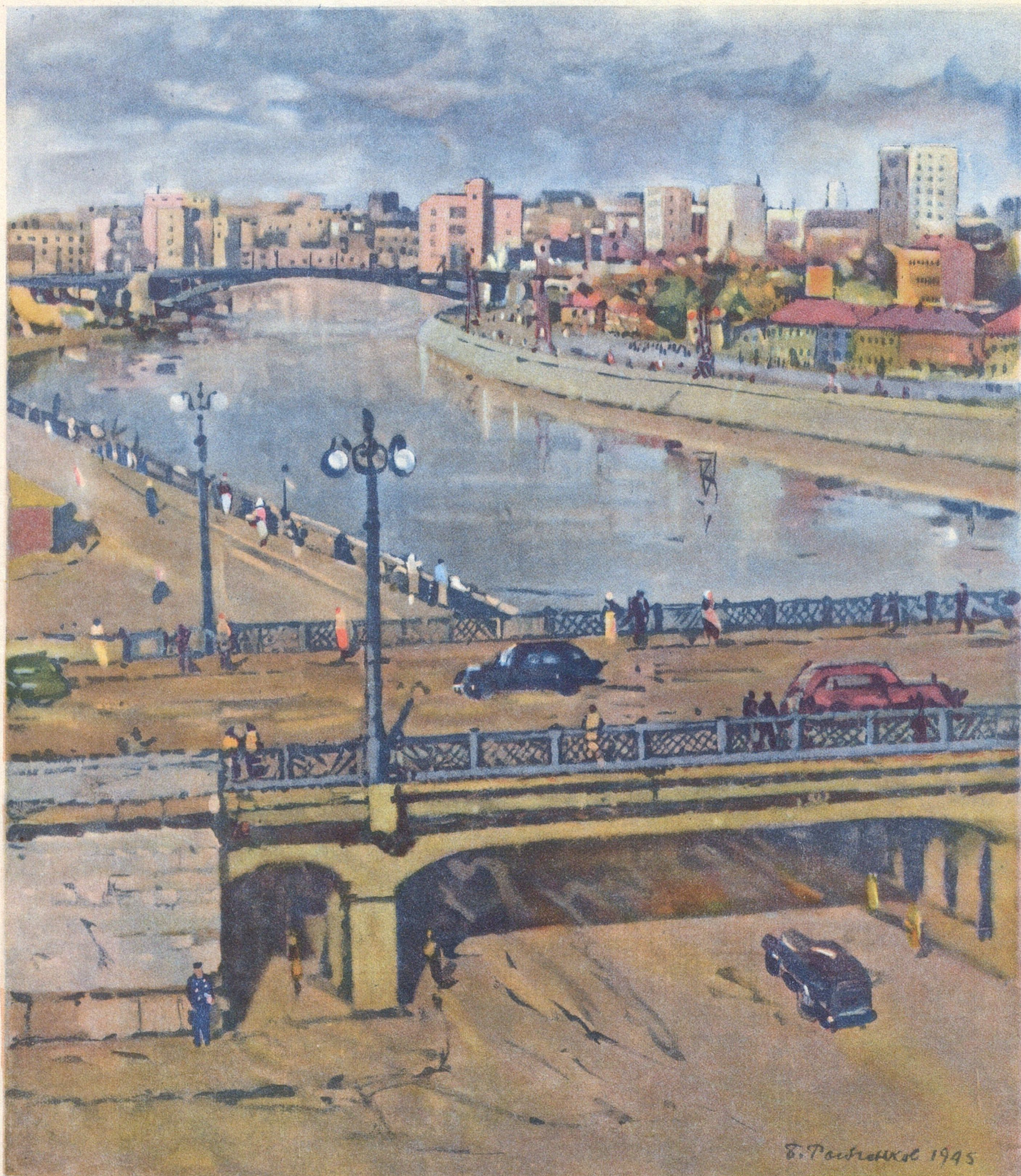
ВОСПРОИЗВОДИМ НЕСКОЛЬКО РАБОТ ХУДОЖНИКА.

Красная площадь

Б. Рыбченков 1945

В. Рыбченков 1945

Москва-река

Б. Рыбченков

„МОСКВА-ГРАД ВЕЛИК, ГРАД ЧУДЕН“

Публикация Центрального государственного архива древних актов

В Центральном государственном архиве древних актов хранятся основные источники сведений по древней истории Москвы: русские летописные своды XIV—XVI веков. Летописи содержат известия о ранней истории города, о росте Москвы при Иване Калите, Дмитрии Донском и Иване III, об объединении русских земель вокруг Москвы и о превращении её из стольного города Московского великого княжества в столицу русского национального государства. По обилию известий по истории феодальной Москвы на первое место следует поставить Софийские 1-ю и 2-ю летописи.

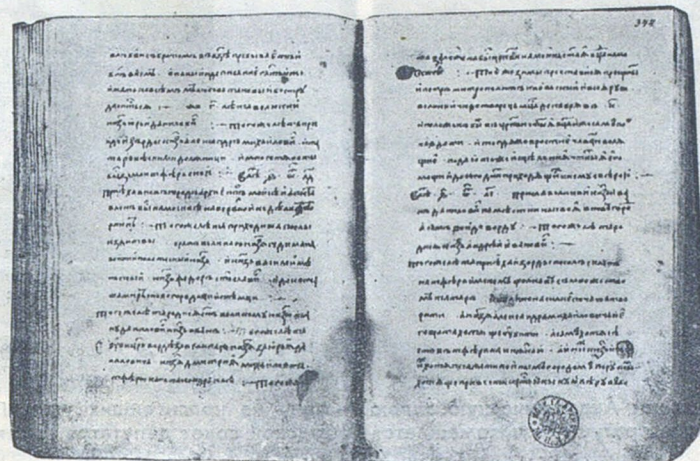
1-я Софийская летопись в списке князя М. А. Оболенского представляет собой рукопись в четвертушку, в кожаном переплёте, на 462 листах, написанную полууставом в XV веке. В основе её лежит так называемый Софийский временник, составленный в Новгороде около 1431 года при участии известного уставщика новгородского Софийского храма Матвея Кусова.

Софийская 2-я летопись также представляет собой рукопись в четвертушку на 440 листах, написанную полууставом двумя почерками в середине XVI века. Переплетена в доски, обтянутые кожей, с металлическими застёжками. Эта летопись содержит в себе тексты 1-й Софийской летописи, Московской летописи и других источников.

В Софийских летописях и в других летописных сводах, хранящихся в Центральном архиве древних актов, имеется целый ряд важных известий о строительстве Москвы в XIV—XVI веках. В 1-й Софийской летописи под 1326 годом записано известие о постройке первого каменного здания в Москве — Успенского соборного храма, заложенного митрополитом Петром. Постройка была закончена в 1327 году. В 1330 году вместо обветшавшей деревянной церкви Спаса на Бору была сооружена каменная церковь. В летописи говорится: «В лето 6838 поставлена бысть на Москве церкви каменная святой Спас». Этот храм Спаса на Бору существует до настоящего времени и является самой древней церковью в Москве.

В последние годы княжения Ивана Калиты, зимой 1339—1340 года, был сооружён «град Москва дубовый». Территория современного Кремля, где находилась великокняжеская резиденция, была обнесена дубовыми крепостными стенами. Позднейший летописец, сообщая о строительной деятельности Ивана Калиты, заключает: «Также и посады в ней (в Москве) украсил и слободы и всем утвердил».

В 1367 году, при великом князе московском Дмитрии Донском, взамен деревянных кремлёвских стен были сооружены каменные («Каменный город»). Уже в XIV веке в Москве стали появляться новинки западноевропейской культуры. Во 2-й Софийской летописи сообщается, что в 1404 году «часы поставлены на великого князя дворе на Москве, а делал Лазарь Сербин». В другой летописи приводится ряд подробностей: «В лето 6912 (1404) князь великий замысли часник и поставил е на своем дворе за церковью за св. Благовещением. Сий же часник наречается часоморье: на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и разчитая часы ношныя и дневныя; не бо человек ударяше, но человекоугодно, самозвонно и самодвижно,

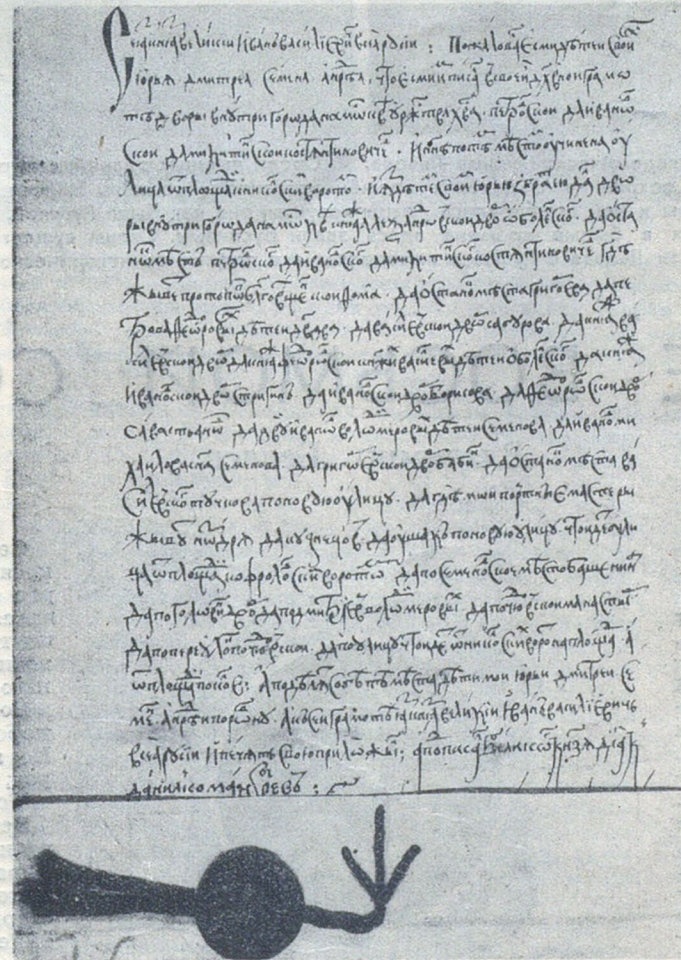
Запись 1-й Софийской летописи о постройке в Кремле в 1330 году каменной церкви Спаса на Бору.

сбраннолепно некако створено человеческою хитростию призмечтано и прехищрено. Мастер же и художник сему беаше некоторый чернец, иже от Святыя горы пришед родом Сербин, именем Лазарь: цена же сему беаше вяшше полутораста рублёв». Часы,

сооружённые Лазарем Сербиним, были первыми часами (с боем) в России.

Деревянную Москву с её деревянными великокняжеским дворцом, храмами и жилыми дворами бояр, купцов и посадских людей посещали частые

Жалованная грамота великого князя московского Ивана III своим сыновьям на дворы в Московском Кремле, данная между 1496—1504 годами.

опустошительные пожары. Они происходили от несчастных случаев и поджогов. Во время пожаров Москва нередко выгорала полностью. Летописцы рассказывают о многих больших московских пожарах.

В 1365 году стояло сухое, знойное лето. «Было тогда знамение на небеси, солнце язлялось аки кровь и по нём места черны, и мгла стояла с полета, и зной и жары были великие, леса и болота и земля горяще, реки пересохли и был страх и ужас на всех людях и скорбь велика». В это бедственное время и случился в Москве крупный пожар, известный под названием «Всехсвятского». Летом 1365 года, рассказывает летописец, «загорелся город Москва от церкви Всех Святых с верху от Чертогын и погоре посад весь и Кремль и Заречье». За два часа сгорел весь город.

В 1445 году, как сообщается во 2-й Софийской летописи, «Месяца июля в 14 день, в среду, загорелся град Москва внутри города в ноши, и выгоре весь, яко ни единому дереву на граде оставися, но и церкви каменные распадахся и стены градные распадахся во многих местех, а людей многое множество изгоре».

После пожаров жители Москвы отстраивались очень быстро. Особенно широкое строительство в Москве падает на годы княжения Ивана III (1462—1505). В это время стали сооружаться первые гражданские каменные жилые здания. В 1471 году «Тарокан купец заложил себе полаты кирпичны в граде Москве, у градской стены, у Фроловских ворот; единого лета в сведе» (2-я Софийская летопись). А в 1485 году, по сообщению этой же летописи, бояре «Василий Образец и Голова Володимиров сын заложил полаты кирпичны».

В 1475—1479 годах под руководством итальянского архитектора Аристотеля Болонского был сооружён Успенский собор. В 1484—1485 годах псковские мастера построили Благовещенский собор. В 1485—1495 годах итальянские архитекторы Пётр Антоний и Марк Фрязини возвели новые каменные башни и стены Кремля. Эти стены и башни сохранились, хотя и в значительно изменённом виде, до настоящих дней. В 1491 году они же построили Грановитую палату. Под руководством архитектора Алевиза Фрязина в 1505—1508 годах был сооружён Архангельский собор. А в 1499—1503 годах им же был построен каменный великокняжеский дворец.

Это интенсивное строительство почти совершенно изменило облик старого Кремля.

К последним годам княжения Ивана III относятся наиболее ранние из сохранившихся актов по истории Москвы. Это жалованные грамоты Ивана III своим сыновьям на дворы в Москве, данные между 1496—1504 годами.

К одной из грамот привешена на шелковом шнурке прекрасно сохранившаяся красновосковая печать Ивана III. В этой грамоте содержатся интересные сведения об улицах, имевшихся в то время в Московском Кремле.

Подводя итоги росту Москвы в конце XV и начале XVI века, русский книжник XVI века писал: «Москва — град велик, град чуден, град многолюден, кипит богатством и славою, превзошёл честию многаю все города Русской земли».

Слева направо: 1. Стройные тополи обрамляют Академическую аллею — одну из красивейших улиц Львова. 2. Два льва ревниво сторожат вход во Львовскую ратушу, где помещается Городской совет депутатов трудящихся.

Слева направо: 1. В воскресный день на Академической улице Львова. 2. Среди пышных зданий, выстроенных в стиле модерн, есть во Львове улица — одна из самых старых в городе, — которая сохранила с далёких времён название «Русской». И хотя Русскую улицу замкнули с одной стороны францисканским монастырём, а с другой стороны к ней подбирались отцы-иезуиты, она как была Русской, так и осталась понине. Население её домов преимущественно украинское — люди, которых в былые времена здесь звали русинами. Своим существованием улица красноречиво подтверждает древние связи Львова с Русью и определяет его подлинное историческое лицо.

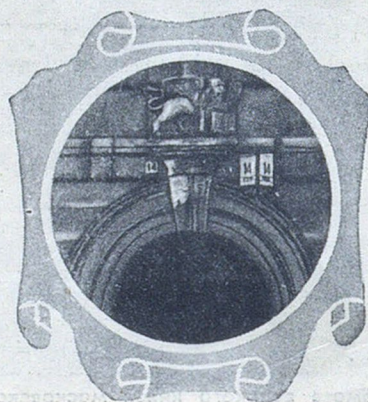
НА РУБЕЖЕ ВОСЬМОЙ СОТНИ ЛЕТ

Владимир Беляев

Фото Вл. Мельника

1. ОСЕНЬ ВО ЛЬВОВЕ

Погожая, солнечная осень во Львове. Говорят, что это самая прекрасная пора здесь. Багровеет плющ, жадно прилипший к стенам многих львовских домов. Зачастую он подымается на высоту пятих этажей и заодно с диким виноградом превращает балконы в беседки, сплошь застилает брандмауэры. Неслышно осыпается кленовая листва в крутых аллеях Стрыйского парка. Потемнели, покрылись ржавым налётом осени густые каштаны, стерегущие покой львовских улиц. То и дело с них, мягко постукивая, падают колючие и никому ненужные плоды. Колючие коробочки раскалываются на несколько белых лодочек, и оттуда, проворно, как мышата, в разные стороны разбегаются твёрдые и будто отлакированные коричневые шарики. Каштаны посыпают львовские мостовые так же, как и шесть лет назад, в такую же сентябрьскую «золотую осень», и всё так же уютно журчит лунными ночами вода, льющаяся острыми струйками в бассейны фонтанов на углах возле сердца Львова — ратуши.

Крылатый лев — герб далёкой Венеции — охраняет вход в дом № 14 на Рынке, свидетельствуя о давних торговых связях Львова с Венецией.

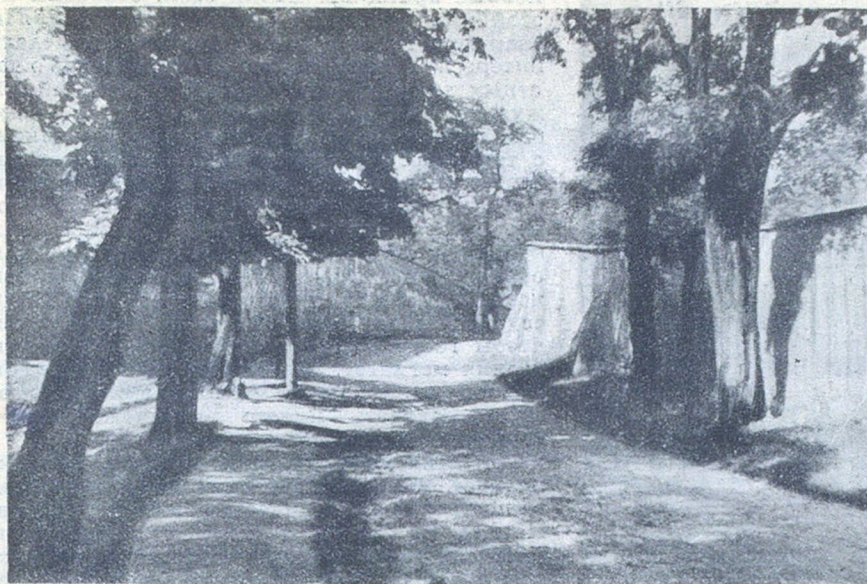
Седой Нептун сторожит один из бассейнов, неся вот уж много лет бессменную вахту перед старинным домом, в котором останавливался незадолго перед разгромом шведов неутомимый Пётр Первый, захвативший по военным надобностям и в этот город — древнюю столицу Червоной Руси.

Бог морей Нептун видел много войн и пожаров с людного перекрёстка возле ратуши. Но как забрёл он в этот «сухопутный» город, стоящий вдали от воды?

Может, по ошибке?

Вспоминаешь тут, что Львов, основанный великим русским князем Галичи и Володимира Данилой Галицким семьсот лет назад и носящий имя его сына Льва, лежал на старинном торговом пути из Чёрного в Балтийское море. Здесь провозили товары, сохранявшие ещё запах морской волны. Нептун, значит, имел основания появиться здесь.

Не случаен и крылатый лев — герб Венеции — на доме № 14 на Рынке. Здесь жил в шестнадцатом веке венецианский подданный, купец из Далматии, и лев с крыльями охранял его права от посягательств бескрылых, но не менее когтистых львов, украсивших собору гербы города.

Слева направо: 1. Монастырская улица Львова ведёт к «Высокому Замку» — так называется возвышающийся над всем городом и окружённый парком холм с остатками старых крепостных укреплений. В ближайшем будущем здесь будет разбит по типу шведского Сканзена Парк украинской культуры. Этнографический музей, хаты и усадьбы бойков, лемков, гуцулов, жителей низин, образцы их ремесла, рукоделий и т. д. — всё это создаст полное представление о том, как живут народы Западной Украины. 2. Старушки толкуют о судьбах мира на Замковой улице Львова в воскресный день.

Слева направо: 1. Башни Старого Львова — колокольня Волосской церкви, или так называемая Корнякта; Львовская ратуша, на которой поднял навеки красное знамя 27 июля 1944 года умирающий от пуль немецких автоматчиков уральский танкист инженер Александр Марченко, одним из первых прорвавшийся к центру на своём танке; Пороховая оборонная башня, которая помнит ещё осаду Львова полками Богдана Хмельницкого. 2. Ещё бушует, выплескиваясь в несколько переулочков, Львовский рынок, называемый «вторым Парижем», но уже скоро на месте разрушенных домов и этого рынка появится самая большая в городе площадь для парадов и народных гуляний.

Они ревниво сторожат вход во Львовскую ратушу, глядят на вас со стен зданий, охраняют источник на повороте с улицы Коперника, берегут сон мертвецов на самом красивом в Европе после геноуэзского Лычаковского кладбище, где похоронены великий каменяр украинской земли Иван Франко, поэтесса Мария Конопницкая и драматург Габриэль Запольская — автор известной пьесы «Мораль пани Дульской». Каменные замшелые львы встречают путника и на окраинах города, там, где сходятся дороги из Перемышля, Стры и Киева.

Недаром романтики издавна зовут столицу Западной Украины «городом задумчивых львов». На тихой Армянской улице стоит дом, розовые стены которого украшены барельефами и цитатами из Вергилия и Горация. Скоро десять лет в этом доме энтузиаст инженер Януш Витвицкий создаёт пластическую панораму старинного Львова. Дом за домом, площадь за площадью он восстанавливает в миниатюре облик города таким, каким он был в начале восемнадцатого века. Недавно мастерскую Витвицкого посетил Никита Сергеевич Хрущёв, обещал ему всяческую поддержку, и вслед за этим правительство Советской Украины отнесло все расходы по панораме, представляющей собою большую ценность, на государственный бюджет.

Спустя несколько недель после вступления в город Красной Армии, очищая свою панораму от пыли, занесённой взрывом разор-

вавшейся неподалёку немецкой бомбы, инженер Витвицкий мечтательно сказал мне, что Львов — это «город, который хочет остаться бессмертным».

Действительно, страшнейшая из войн, судьба которой была уже почти решена в часы «Львовской битвы» в июле прошлого года, как ни странно, пощадила этот город, сжигаемый почти начисто из столетия в столетие военными пожарами. Заслуга в этом войск маршала Конева, генералов Делюшенко, Красовского, Курочкина, маршала танковых войск Рыбалко. Они так блестяще подготовили, по гениальному плану великого Сталина, прорыв вблизи Брод, так стремительно погнались немцев с землей Западной Украины, что те даже не успели взорвать мины, заложенные под домами университета, Политехникума, почтамта, оперного театра и многих других чудесных зданий, украшающих город и утверждающих его законную мечту о бессмертии.

Война мало затронула Львов, и следы её устраняются с помощью лёгкого ремонта, который сделает город таким, каким мы его видели подобной же «золотой осенью» 1939 года. Той осенью народные избранники, собравшись в оперном театре, замыкающем собою зелёные Гетманские Валы, раз и навсегда провозгласили советскую власть на землях Западной Украины и воссоединили её со всей украинской землёй.

Значительно большие изменения война произвела в душах людей, в составе населе-

ния города. Львов потерял более трети своего населения. Эта треть львовских жителей была самыми зверскими способами истреблена подручными Гитлера и Гиммлера. Об этом уже много написано и ещё будет написано подробнее. Окраины Львова — живописные овраги за Яновской рогаткой, поляны на Левандувке, холмы, спадающие от Стрыйского парка на Вулецкую, страшные «Пески» за предместьем Лычков, которыми пугают сейчас матери непослушных детей, — всё это гигантские братские кладбища сотен тысяч безымянных жертв и мучеников фашизма.

Эти раны заживут нескоро...

2. ПРОШЛОЕ

Больше десяти лет назад на тихих улицах Львова появился заморский гость, один из ведущих драматургов современной Америки — Уильям Сароян.

Вернувшись на родину, он в числе прочих новелл опубликовал и новеллу о тогдашнем Львове под названием «Маленькая Манон».

«Львов — это кошмар, — так удручающе начинает свою новеллу американский гость, которого отнюдь нельзя заподозрить в том, что он был «подкуплен большевиками», — на стогнах Львова вы можете различить черты измученного лица спящего господина бога. Небо Львова нависшее, мрачное, атмосфера застойная, удушливая... Это город скверный. Олицетворённое тление. Монумент кончина запустению и бесплодности. А великолепл-

ные польские солдатики на тротуарах рети-
во козыряют друг другу! Львов — один из
сквернейших божьих снов, а это козырянье —
грустный элемент комического, которое
всегда есть в трагическом».

Вильям Сароян зашёл в один из львовских
ресторанов:

«В ресторан, держась за руку двенадцати-
летней девочки, входит слепой. Он не старый
человек и не калека, просто — слепой. Девоч-
ка, очевидно, — его дочь. Лица обоих выража-
ют отчаяние. У слепого футляр с музыкаль-
ным инструментом — нечто вроде банджо,
только извлекаемые из него звуки непохо-
жи на фальшивые звуки банджо».

Я думал, что меня рассеет скверная музы-
ка, но музыка оказалась не скверной, и я не
рассеялся. Я скажу только о первой из спе-
тых им песенок, ибо она одна лишь принад-
лежит собственно Львову, о песенке, проник-
нутой мрачной меланхолией несчастного
народа. В ней были печаль и раздражение,
порыв и подавленность и в то же время
тепло и тяга к жизни. Это была чудесно хо-
рошая песенка. Слепец спел строку или две,
а затем к нему присоединилась дочь, и
грусть стала тоскою.

Мелодия песенки, услышанной во Львове,
не давала Сарояну покоя и в дороге. Он ус-
лышал, что её напевала спутница по вагону,
и спросил, как название песенки.

— «Маленькая Манон», — сказала спутни-
ца, — это польская песенка.

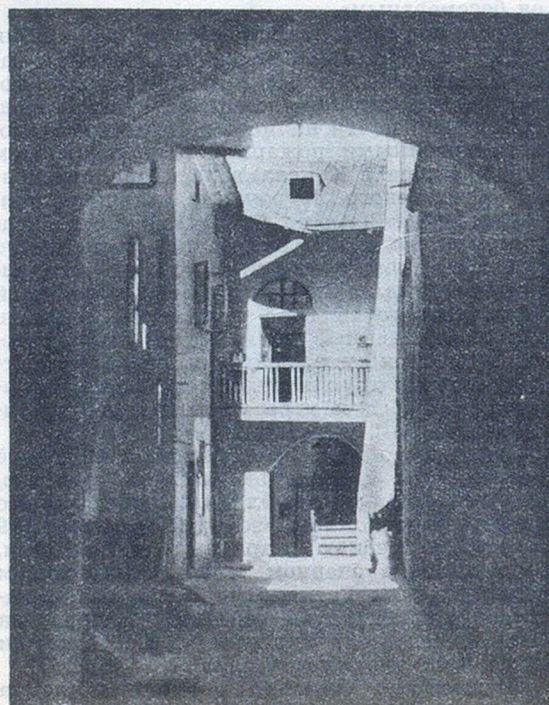
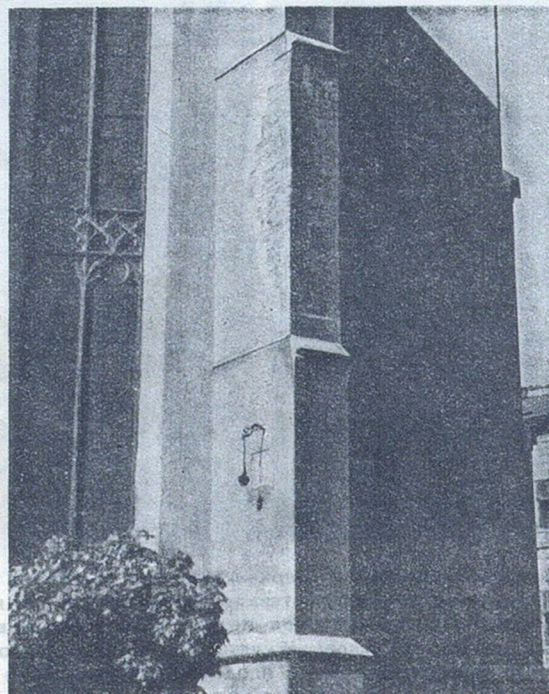
— Что это значит — «Маленькая Манон»? —
спросил я.

— Малютка Манон, — сказала девушка.

Вот и всё, к чему привели мои розыски.
Песенка и всё вообще, стало быть, ни к чему
не привели, исключая, может быть, того, что
в атмосфере мертвенности и плохих снов
Львова живое требует жизни, оно требует
жизни только музыкой этой простой песен-
ки, оно требует голосами слепца и его до-
чурки. Солдатики козыряют».

Можно, конечно, упрекнуть Сарояна в не-
соответствии с действительностью мелких
деталей, в сгущённо-мрачном описании са-
мого города. Не заметить внешних красот и
бытовых удобств Львова, скажем, его газифи-
кации, старины архитектуры, Сароян не мог.
Но он пошёл по совершенно другому пути по-
знания внутреннего существа города. Его не
обманула та показная мишура, к помощи
которой так часто прибегали тогдашние хо-
зяева Львова — наиболее реакционные ко-
лонизаторы, посланцы варшавских вельмож
и всякие местные графы Бадени, Голухов-
ские и Сапегы. Они как могли пытались
обмануть доверчивых чужеземцев, создавая
мираж благополучия и прибегая в то же
время к беспощадным и кровавым «пацифи-
кациям». Таким ласковым словом здесь на-
зывали «усмирения» окраин (Малопольши),
в состав которой зачислялся и Львов. Ос-

Сверху вниз: 1. У подножья «Высокого Зам-
ка» во Львове есть маленькая улочка, которой
семьсот лет. Она помнит ещё времена «княжества
Львова», когда князь и правитель Червоной Руси
Данила Галицкий основал здесь на Лысой горе
замок для своего сына Льва, положивший нача-
ло городу Львову. Улочка, сохранившаяся с тех
времен и неизвестная даже многим старым жи-
телям города, называется «Львиной». Во время
панического бегства немцев в июле 1944 года
в эту улочку, словно в мышеловку, заехала не-
мецкая машина и, подбитая из пушки советского
танка, продолжает и поныне ржаветь в тупике
Львиной улицы, напоминая о недавних днях вой-
ны. 2. На стенах львовских домов можно читать
историю города. К стенам кафедрального костё-
ла, на Капитульной площади, построенного в
XIV веке, подвешены ядра, которыми казаки
Богдана Хмельницкого обстреливали этот старин-
ный украинский город, стараясь помочь своим
братьям по вере и национальности освободиться
от иноземного гнёта. 3. Так выглядит один из дво-
ров в старой части Львова, сохранившейся ещё
с XV века.

новые принципы жизни были основаны на
этой мишуре. Здесь уважали и поощряли
авантюристов и ловкачей, умеющих «делать
интересы», и предпочитали не говорить о че-
стных тружениках. Торгаш, умеющий об-
жудить соседа, брата, собственную жену,
был гораздо более благополучным явлением,
с точки зрения государства, чем мастер га-
зового завода или рабочий электростанции.

Архитектору-инженеру Янушу Витвицко-
му, который задумал очень полезное для
культуры всех народов дело восстановления
облика старинного Львова, приходилось
искать богатых жертвователей, кланяться
судьи у магистрата. Так и не добился он,
чтобы государство помогло ему. С точки
зрения магнатов, владевших этим краем, он
был только смешным мечтателем, не умею-
щим создавать ничего «першожедного»,
«оригинального», «люксусового».

Три эти слова — «першожедне», «ориги-
нальне», «люксусове» — пропитали все поры
общественно-экономической жизни города.
Не дай бог отстать от моды, от Парижа и
Лондона! И маленький торговец и воевода
пыжились из всех сил, стремясь к достиже-
нию «идеалов», заключённых в этих трёх
словах. Девушка из бедной семьи скрывала
от суженого профессию своих родных и меч-
тала о «першожедной» причёске и туфлях,
сделанных на пробке по последней моде. Она
шла в этих «элегантских» туфлях на свидан-
ие в Стрыйский парк и по дороге падала в
обморок от недоедания.

Простоту и скромность здесь не любили.
Признаком хорошего тона считалось, если
девушка знала подробности личной жизни
всех правящих династий Европы, развешива-
ла над своей кроватью фотографии Мирны
Лой, писала десятки писем в далёкий Гол-
ливуд Гарри Куперу и увлекалась романа-
ми Питигрилли. Она могла не знать при
этом, что во Львове работал прекрасный хо-
дожник А. Гротгер, что в старом здании уни-
верситета на улице Николая собиралась
возглавляемая Маркианом Шашкевичем из-
вестная «Русская Тройца», выпустившая
ещё в 1837 году журнал «Русалка Днистро-
ва», пробудивший общественную мысль га-
личан. Ей совершенно необязательно было
знать, кто такой Иван Франко или, скажем,
Эмилия Плалер, или почему в давние вре-
мена гостиница «Жорж» называлась «Рус-
ской гостиницей». Но зато, если бы в клас-
се она призналась, что не знает о браке ки-
нозвезды Анабеллы с Тейлором Поуэром,
подруги бы её засмеяли, упрекнули в недо-
пустимом невежестве!

В прохладных кафе на Академической
под названиями «Шотландская», «Рим»,
«Кафе де ля Пэ» просиживали дни своей
жизни за половинной чашечкой чёрного кофе
старики и молодёжь. Ленивая ткань беседы
переменялась модными сплетнями, разгово-
рами о «Люксусе», об удачниках и глупых
самоубийцах, в двадцать лет пускающих се-
бе пулю в лоб под тенистыми клёнами
Стрыйского парка. Чтобы дать возможность
молодёжи порезвиться, создать для неё пре-
словитую «рухавку», её натравливали на ев-
реев и на украинцев. Вытоптанные ступени
Львовского университета и Политехникума
много могли бы порассказать о крови, проли-
той здесь. Подражая буршам, юные львов-
ские эндеки в заломленных набекрень кор-
поративных шапочках резали своих одно-
курсников, и горе было тому, кто посмел бы
возразить против подобных «шалостей».

На что уж, кажется, был благополучен, с
точки зрения правящих кругов досентябрь-
ской Польши, её премьер-министр и профес-
сор геометрии львовской Политехники Ка-
зимир Бартель, но стоило ему заикнуться в
сейме о «студенческих беспорядках», как на
следующий же день по Львову загуляла
свинья, на которой было написано «Бар-
тель». Друзья профессора наняли специаль-
ных частных детективов, которые должны
были спасти его в нужную минуту от мести
погромщиков, получающих высшее образова-
ние под эгидой того самого министерства
просвещения, которое входило в состав ка-
бинета Бартеля. К сожалению, подобными
мерами не удалось уберечь автора учебника
начертательной геометрии, профессора Бар-
теля, от рук достойных единомышленников
польской эндеки — гестаповцев, которые
2 июля 1941 года выволокли больного
Бартеля из его кабинета во Львовском поли-

техническом институте, а затем зверски убили его в застенках гестапо.

Если бы Уильям Сароян подольше побродил по Львову, то уже одни камни рассказали бы о законных хозяевах города.

Он бы нашёл здесь целый квартал домов Ставропигии. Так называлось за своё право непосредственного подчинения константинопольскому патриарху Львовское Успенское братство, объединявшее русинов, по решению его братчиков, вынесенному 27 августа 1609 года: «В той справе, которая ся точит о вольности всего народу русского за потисненными урядов и цехов ремесла вшеляких от народу польского народове русскому...»

Снимки могильной плиты (кстати сказать, совсем не случайно исчезнувшей накануне первой мировой войны из Онуфриевского монастыря) рассказали бы Сарояну о том, что во Львове похоронен первопечатник Руси, гость из далёкой Москвы, Иван Фёдоров. Здесь он печатал первые на Украине

искусственным оплотом реакции и католицизма в украинском мире. Уходя из «Шотландской кофейни», где щебетали с чистейшим варшавским акцентом жёны влиятельных пенсионеров, за город — в любое из самых ближних пригородных сёл, — вы слышали украинскую речь, видели людей, читавших Шевченко и страстно мечтавших о том, когда, наконец, во Львове будут свой украинский университет, украинский театр, когда можно будет там человеку бедному заработать кусок хлеба, отдать детей в родную школу, во всеуслышание заявить на Русской улице, что она не случайно несёт с далёкой древности это название.

3. НОВАЯ ЖИЗНЬ

История убила бег свой. За всю семисотлетнюю жизнь город не испытывал таких изменений и не переживал столько событий, какие произошли за последние шесть

зайиственного машиностроения — свеклокомбайнов и других редких машин для полей нашей страны.

Цемент, стекло, художественную мебель, хрусталь, фаянс и огнеупоры — всё это будут изготавливать новые предприятия. И вместе с их появлением придёт на улицы Львова настоящая, полнокровная жизнь, которой так недоставало ему в последние десятилетия.

Уже к концу нынешнего года число рабочих в нём увеличится в два раза. Инженеры, мастера, слесари, токари, студенты десяти высших учебных заведений, профессора и композиторы, артисты четырёх театров, музыканты филармонии и консерватории, архитекторы и медики будут самыми почётными гражданами этого города, который ещё шесть лет назад кое-кто презрительно называл «городом пенсионеров». Созидательный, жизнеутверждающий труд изгонит очень

Слева направо: 1. Бог морей седой Нептун сторожит один из фонтанов под ратушей советского Львова, на которой реет красное знамя победы и новой истории старинного города. 2. В этом здании, где 400 лет назад печатал свои книги первопечатник Руси Иван Фёдоров, «друкарь книг пред тем невиданных», а затем находился Ставропигийский институт, сейчас — ремесленное училище полиграфистов имени Ивана Фёдорова. 3. Одна из улиц Старого Львова, недавно названная именем первопечатника Ивана Фёдорова.

книги, оставив после себя многочисленную плеяду подражателей-друкарей. Один из их потомков, Александр Яськов, обучает сейчас печатному делу учеников ремесленного училища имени Ивана Фёдорова в том самом доме, где четырёхста лет назад печатался знаменитый «Апостол».

«Москвитин, друкарь книг пред тем невиданных», Иван Фёдоров встречал на своём пути не меньшие тернии, чем приехавший во Львов из маленького прикарпатского села Нагуевичи воевать за идеалы прогресса просвещёнейший украинец своего века Иван Франко. Величественное надгробие на его могиле, с каменотёсом, рубящим киркой скалу, высится посреди позолоченных памятников ситятельных магнатов, которые травили его нещадно, запрещали ему возглавить кафедру во Львовском университете, называли «мужицким» язык его блестящих произведений. В строчках «Мойсея», в «Каменях» и в других поэмах и романах талантливого сына галицкой земли Сароян услышал бы куда большее требование прихода настоящей жизни на истерзанную эту землю, чем в мелодии грустной, но слезавой песенки, которая показалась американцу, посетившему город, откровением в царившей здесь мертвечине.

Пожили бы Сароян подольше во Львове, он узнал бы то, что скрывалось от глаз приезжих. Город заселялся с помощью административных мер и тонкой политики различных монашеских орденов, от Капуцинов до Босых Кармелитов, опытными и хитрыми колонизаторами. Но никакие их ухищрения не могли скрыть того факта, что он являет-

лет. Прошло всего шесть лет — время, равное возрасту ребёнка, впервые думающего о школе. Но сколько нового произошло за этот срок и происходит поминутно на наших глазах в урожайную событиями «золотую осень» 1945 года!

Ещё в те дни, когда Львов был ближним тылом войск трёх Украинских фронтов, здесь свёрстывался план широкой индустриализации. Ещё в дни войны правительство Советской Украины правильно решило, что у города старейших и прекрасных культурных традиций должно быть ещё более прекрасное будущее, что в его жилы надо влить здоровую кровь реальной экономики. Сейчас план индустриализации Львова предстаёт уже в совершенно ясных очертаниях.

Спустя пять лет здесь возникнут два завода точных приборов, электроламповый завод. Тут будут выпускать телефонно-телеграфную аппаратуру, на другом новом заводе — делать новые радиоприёмники марки «Победа». Советский Союз будет получать из Львова велосипеды, трикотаж, художественный паркет и ткани львовской марки. День и ночь на строительной площадке близ Стрыйского шоссе роют котлованы для цехов большого автооборочного завода. До первых холодов земляные работы закончатся, и на место землекопков придут каменщики — возводить стены корпусов. А уже спустя полтора года одна только смена будет выпускать пятьдесят грузовиков за рабочий день.

На другом краю Львова, по его Городецкой улице, вырастут корпуса завода сельскохо-

быстро культ торгашества, мелкой и крупной наживы, лёгкой и сытой жизни за счёт обмана доверчивого соседа и утвердит служащий источником силы и крепости всего Советского Союза знакомый всем нам издавна принцип: «Кто не работает, тот не ест».

Ещё бушует, выплёскиваясь в несколько львовских переулочков, знаменитый Львовский рынок, называемый «вторым Парижем». Здесь можно купить всё — от личного мундира Франца-Иосифа и его подусников до африканского попугая, оставленного бежавшим впопыхах гестаповцем. Но уже многие любители «интересов» подумывают о настоящей работе, о труде. Меняется на глазах состав населения Львова. Ещё вы можете услышать традиционные львовские приветствия: «Сервус», «Целую ручки», «Униженный слуга пана директора», — ещё может испугать вас в тёмном переулке растопыренной белой шляпой монахиня-шаритка — вся в чёрном, непонятное явление средневековья, или бородатый капуцин в коричневой хабите; но уже всё больше попадает на глаза вчерашних фронтовиков, скромно одетых студенток, гуцулов, жителей ближних сёл, приехавших работать на строительстве новых заводов.

На рубеже восьмого столетия своего существования помолодевший от притока новых сил красавец Львов слышит новые песни шагающей в ногу с эпохой жизни. Их мелодия живее и радостнее меланхолической песенки, которая так понравилась заезжему американцу.

Львов, сентябрь 1945 года.

ПРОДЛЕНИЕ ЖИЗНИ

Профессор С. С. Халатов,

заслуженный деятель науки

История человечества знает много попыток найти чудодейственный эликсир, который позволил бы значительно продлить жизнь человека. Много было на этом пути светлых надежд и тяжёлых разочарований. Но теперь уже установлено, что дело не в эликсире: для продления жизни человека необходима активная борьба со всеми условиями, вызывающими преждевременное старение организма.

Нарушения физиологических функций организма и целый ряд анатомических изменений, обнаруживаемых в кровеносных сосудах и органах стариков в возрасте от 60 до 80 лет, учёные рассматривали как неизбежные результаты старения организма. Между тем на нарушение функций и анатомических изменений органов откладывает свой отпечаток не столько старость, сколько перенесённые людьми заболевания, вызвавшие преждевременное старение. Если устранить причины, вызывающие заболевания, то возраст от 60 до 80 лет не будет старческим, а смерть в этом периоде нужно будет считать преждевременной.

Идея объединить научную медицинскую мысль и направить её на борьбу за долголетие принадлежит нашему академику А. А. Богомольцу.

Сколько же лет может жить человек? В своей очень интересной книге «Продление жизни» академик А. А. Богомольц приводит много любопытных данных, основанных на личных наблюдениях и наблюдениях учёных других стран.

В 1724 году в Венгрии умер П. Кцартен 185 лет. Его сыну в то время было 95 лет. Знаменитый Томас Парр прожил 152 года трудовой крестьянской жизни. В 120 лет он вторично женился на вдове, с которой прожил 12 лет, и был так бодр, что, как говорят современники со слов этой вдовы, она не замечала его старости. В Норвегии в 1797 году умер Иозеф Суррингтон на 160-м году жизни. Старшему его сыну было в это время 103 года, младшему — 9 лет. Венгры — Ровель и его жена Сарра — прожили в супружестве 147 лет. Муж умер 172, а жена его 164 лет отроду.

В 1927 году, во время своего пребывания в СССР, известный французский писатель Анри Барбюс посетил в селе Латы, возле Сухуми, крестьянина Шапковского, которому тогда было 140 лет. Барбюс был удивлён бодростью, живостью движений, звонким голосом и ясными глазами этого человека. Его третьей жене пошёл тогда 82-й год, самой младшей дочери минуло 26 лет.

На основе наблюдения над «долгожителями», прожившими 100 и даже 130 лет, сложилось убеждение, что средняя продолжительность жизни человека должна быть не 60 лет, а 150 лет, если не больше.

К причинам, вызывающим преждевременное старение, относятся различные социальные и бытовые вредные условия и болезни. В первую очередь здесь следует говорить о сифилисе, тяжёлой форме ревматизма, туберкулёзе, отчасти скарлатине, малярии и некоторых других инфекционных заболеваниях.

Учёные считали, что прогрессирующие с годами возрастные изменения артерий являются главной причиной старения организма и сокращения продолжительности жизни человека. Мнение это сложилось потому, что именно у людей, умерших в возрасте от 50 до 70 лет, часто находят более или менее резко выраженные поражения артерий.

Такого рода поражения происходят не в результате физиологической старости, а холестериновой болезни, которая довольно часто развивается у людей в возрасте от 45 до 55 лет вследствие поражения мозга на почве различных нервных, инфекционных заболеваний и тяжёлых бытовых условий. Эти холестериновые поражения артерий и являются причиной преждевременного старения людей и преждевременной их смерти.

У пожилых людей вокруг радужной оболочки глаз нередко можно наблюдать узкий ободок помутнения, который называют «старческим помутнением рого-

Колхозник Чулбарь Шац, 126 лет.
Снимок сделан в 1936 году.

Основатель города Гали в Абхазии — Кецба, давший род в 102 человека. Снимок сделан в 1936 году, когда Кецбе было 132 года.

вицы». Помутнение это давно уже считается признаком старческого артериосклероза.

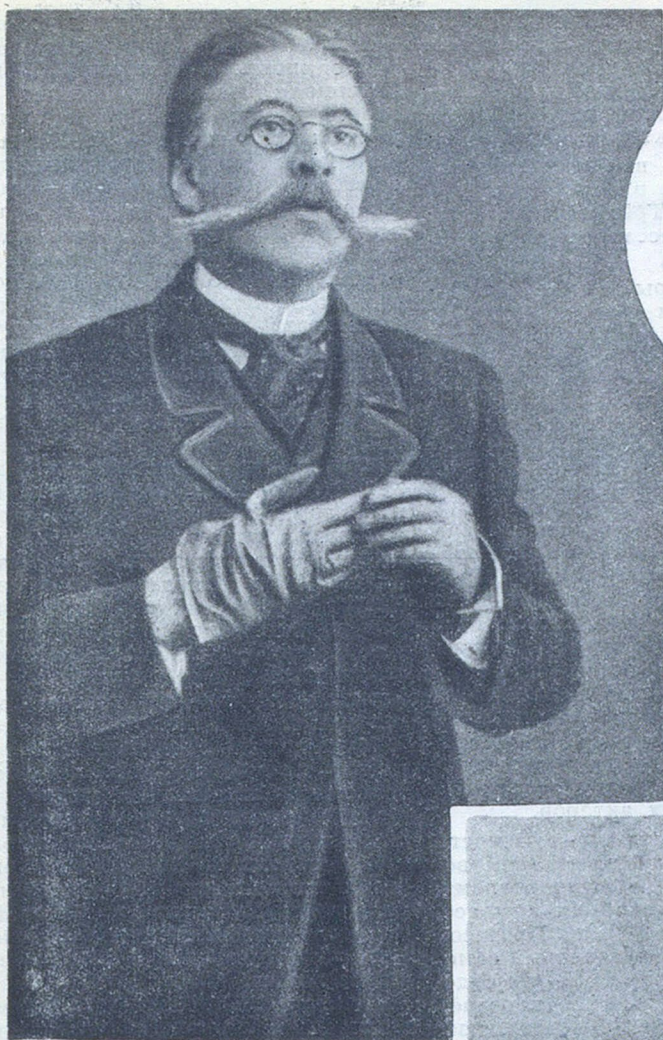
Мне удалось экспериментально вызвать старческое помутнение роговицы у животных и аналогичное поражение артерий. Я доказал, что эти поражения происходят вследствие отложения в тканях холестерина в виде жидких кристаллов и что они возникают у людей, которые болеют холестериновой болезнью, а не в результате старости.

Один учёный давно отметил огромное влияние нервных факторов на старение организма. «Печаль, заботы и страх», — писал он, — весьма способствуют ускорению старости. Есть примеры, что люди, подвергшись страху и тоске в сильнейшей степени, поседевали в одну ночь.

И, наоборот, хорошее настроение благотворно влияет на здоровье человека. По этому поводу давно уже писал Гюфеланд: «Из всех телесных движений, потрясающих тело и душу вместе, смех есть самое здоровое».

Борьба с холестериновой болезнью, предупреждение её, развитие физкультуры, нормальный образ жизни способствуют борьбе с артериосклерозом, с преждевременной старостью.

Именно в нашей стране, где из всех капиталов в мире самым ценным капиталом являются человек, его жизнь и здоровье, созданы все условия для осуществления стародавней мечты лучших представителей человечества — сделать жизнь радостной, прекрасной и долголетней.

К. С. Станиславский в роли князя Абрезкова («Живой труп»).

1911 год.

Смерть Льва Толстого ещё свежа в памяти. В первый раз осенние листья упали на могильный холмик в Яснополянском парке. Ещё не прошло года с тех дней, когда миллионы людей говорили только о том, что происходило на маленькой железнодорожной станции Астапово. И охранное отделение, жандармы, полиция не без тревоги ожидали годовщины смерти Толстого. Они хорошо помнили демонстрации в университете и в рабочих районах в день похорон великого писателя.

Мыслящая Россия, как любили выражаться в те времена, вспоминала о драгоценном для всего мира кладе, который открылся после смерти Льва Толстого, — о его литературном наследии.

В первый раз миллионы людей прочитали «Хаджи Мурат», «Отец Сергей», «После бала» — всё то «художественное», как выражалась Софья Андреевна, от чего отрекался писатель. И Владимир Иванович Немирович-Данченко, давно прослышавший о пьесе «Живой труп», всё ещё не мог забыть, как Толстой вместо «художественного» упорно советовал ему читать о вреде курения.

Никто в Москве ещё не прочитал «Живой труп». Утверждали, что это, в сущности, черновик, наброски к пьесе, а действующие лица говорят отрывистыми, скудными фразами. Считалось, что ставить пьесу почти невозможно.

С нетерпением театралы и вообще читатели и почитатели Толстого ждали 23 сентября 1911 года.

В этот день, вернее в этот вечер, Художественный театр впервые показал «Живой труп».

Если бы Художественный театр не ставил ранее пьес Чехо-

ЛЮДИ РУССКОГО ИСКУССТВА

ОДИН ГОД МХАТ

Л. Никулин

И. М. Москвин в роли Феди Протасова («Живой труп»).

ва и особенно «Три сестры», не было бы и спектакля «Живой труп».

Толстой видел в Художественном театре спектакль «Дядя Ваня». Известен его отзыв: «Чего ему ещё нужно (Астрову)? Тепло, играет гитара, славно трещит сверчок. А он сначала хотел взять чужую жену, теперь о чём-то мечтает...»

В «Живом трупе» сценические положения казались несколько примитивными — ложное самоубийство, подслушанный разговор, — шантажист разрушает счастливую жизнь любящих людей, развязка — выстрел, самоубийство, на этот раз уже не ложное, притом в здании суда. Какой-нибудь посредственный драматург сделал бы из этого судебную драму. Но Толстой превратил судебный казус в обвинительный акт обществу его времени, законам, созданным этим обществом, и каждое действующее лицо заставляло думать, сочувствовать себе или презирать и ненавидеть. И при этом вся пьеса была написана в манере современных нам писателей, с тем чувством нового в театре, которое удивляет каждого, знающего, что «Живой труп» возник в 1889 году, до пьес Чехова и Горького.

Это поняли все присутствовавшие на спектаклях. На сцене говорили о самых простых вещах, о том, что болен ребёнок, что мать не спит и плачет, у неё горе, а она кормит ребёнка. Так, от слова к слову, от явления к явлению, развёртывалась трагедия одной семьи, несчастный удел одного брака, о котором так просто говорит Федя Протасов:

«Семейная жизнь? Да. Моя жена идеальная женщина была.

Алиса Коолен в роли цыганки Маши («Живой труп»).

М. П. Лилина в роли Анны Дмитриевны («Живой труп»).

Она и теперь жила. Но что тебе сказать? Не было изюминки. Значит, в квасе изюминки? — Не было игры в нашей жизни!..»

О, эта изюминка! Мы были свидетелями рождения нового крылатого слова. На следующий день после первого представления это слово повторяли сотни людей, потом «изюминка» начала странствия по столбцам газет, о ней вспоминали фельетонисты и публицисты, её упоминали в судебных речах адвокаты. Но дело было не в этом, а в том «толстовском», и «чеховском», и «горьковском», что умел донести до зрителя только Художественный театр. Дело было в том, что режиссёры и актёры называют «подтекстом», — в умение раскрыть душу человеческую в, казалось бы, обычных фразах. Вот где была творческая тайна Художественного театра, своего рода профессиональный секрет его мастерства.

Когда в «Живом труп» Станиславский, Лилина и Германова (князь Абрезков, Анна Дмитриевна и Лиза) вели светский, казалось бы, незначительный разговор о каком-то любительском спектакле у Денисовых, где «очень было мило», где Лиза, жена Федя Протасова, что-то играла, — весь этот разговор в гостинице скрывал и распад семьи Протасовых, и любовь Виктора Каренина к Лизе Протасовой, и то, что общество и законы того времени не позволяли людям соединиться, хотя они и любили друг друга.

В «Живом труп» — одном из самых замечательных спектаклей Художественного театра — было гармоничное сочетание искусства великого русского писателя и драматурга Льва Толстого и искусства актёров, широко и проникновенно воплотивших на сцене идею писателя и людей его времени.

Были, конечно, ценители, не принимавшие Москвина в роли Федя Протасова. По их мнению, Москвин не был опустившимся «барбином», потерянной личностью из «хорошего общества», особенно по сравнению со Станиславским, игравшим князя Абрезкова, и Качаловым, игравшим Каренина.

Для некоторых зрителей Художественного театра Москвин был «Царь Фёдор», Лука в «На дне», Епиходов в «Вишнёвом саде», то есть в общих чертах — «характерный» актёр. Сейчас, когда прошли десятилетия со дня первого представления пьесы «Живой труп», вспоминая то, что мы видели и слушали, нельзя себе вообразить иного Протасова, другого актёра в этой роли. Нет, нельзя себе представить иного Федю Протасова в сцене у цыган, нельзя забыть светлый, звенящий отчаянием голос Москвина, и слова, заглушаемые пением цыган: «Ах, хорошо, кабы только не просыпаться... Так и помереть...»

И вдруг светлая мысль: «А уж быть предводителем, сидеть в банке — так стыдно, так стыдно...» Вдруг становилось ясно, что этот несчастный, опустившийся человек, — в сущности, жертва несправедливого, живого строя жизни, и надо себе представить, как звучали в зрительном зале эти слова в те годы, когда уже начинался новый подъём общественной борьбы после поражения революции 1905 года!

В грязной комнате трактира Федя Протасов рассказывает свою жизнь хорошему человеку, художнику Петушкову. Время прошло, вино сделало своё дело, но, как бы низко ни упал Федя Протасов, именно его устами говорит правда: «...в нашем кругу, в том, в котором я родился, — три выбора, только три: служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живёшь. Это мне было противно... Второй — разрушать эту пакость; для этого надо быть героем, а я не герой. Или третье: забиться, — пить, гулять, вей, — это самое я и делал. И вот допелся...»

И в том, как Москвин брал рюмку и пил, как глядел на людей, говорил с ними, был не актёр, играющий роль, а человек, которого, может быть, вчера, накануне спектакля, видели на Солянке, близ Хитрова рынка, человек, который с лёгким французским произношением выпрашивал у прохожего на «шкалик» и «по случаю годовщины нашей алыма матер...» Картина человеческого падения и гибели, страшная власть алкоголя над этой несчастной душой, ищущей в наркоте — цыганской песне — облегчения боли и мук раскаяния, — всё это с необыкновенной силой сурово и убедительно было раскрыто в игре Москвина.

Только в русской литературе — зеркале прежней русской жизни — можно было найти такой образ, и только русский актёр мог так верно и страстно воплотить его...

Много говорили и писали о Станиславском в роли князя Абрезкова.

Из того круга московской знати, к которому принадлежит князь, в давнем прошлом вышли многие декабристы, из него вышел Чаадаев, наконец, — сам Лев Толстой.

Князь Абрезков — «разумный и добрый человек» — не имел ни таланта, ни дерзновения главных своих родичей. Такой человек не одобрял ни нравов своей среды, ни законов общества, но он был только задушевым и обаятельным собеседником, умел не показывать своего превосходства людям, стоявшим ниже его, обладал редкой мягкостью характера и тактом.

Качалов играл Виктора Каренина, одну из труднейших в пьесе ролей. Каренин — добродетельный, благородный и немного скучный человек, резкий контраст несчастному и беспутному Федю Протасову. И как дополнял этот прекрасный спектакль тонкий и умный артист Качалов!

Есть в «Живом труп» нежный и трогательный образ — цыганка Маша. Её играла прославленная тётёр Агния Коонен. Она была так прелестна, так трогательна в своей первой и несчастной любви к Федю Протасову, особенно в те мгновения, когда с сияющими глазами пела ему «Невечернюю» и «В час роковой...», пела так, что мы понимали, почему от цыганской песни легче жить Федю.

Ещё одно поразило Москву: хор цыган составляли молодые актёры и актрисы театра, но пели они так, что им в умилении рукоплескали почтенные старцы, — эти-то знали в своё время, «что за хор пел у Яра!»

Вся атмосфера спектакля, детали декораций, костюмов, наконец, бессловесные действующие в пьесе лица — судейские, полковые, толпа в коридоре суда — всё было достойно гениальной пьесы Толстого, достойно славы Худо-

жественного театра. Радовало и то, что маленькие роли приятелей Федя играли Лужский, Грибунин, Вишневский и Леонидов — один из даровитейших русских трагических актёров.

Артём-Фирс в «Вишнёвом саде», Кузовков в «Нахлебнике», Чебутыкин в «Трёх сёстрах» — играл почти бессловесную роль курьера в суде.

Все эти актёры почитали высокой честью для себя участвовать в спектакле «Живой труп» и этим снова утверждали закон Художественного театра: «Нет маленьких ролей — есть маленькие актёры».

Те, кто знает пьесу, помнят очень важную для её развития роль Артемьева, ходатая по делам и шантажиста. Артемьева играл Александров, когда-то восхитивший Москву в роли лакея Яши. Он играл низкого, способного на всё негодяя. Алчный, голодный блеск глаз и дрожащие, старческие руки — весь внешний облик ничем не напоминал фатоватого и наглого лакея из «Вишнёвого сада». Вот это и было превосходно в театре: он умел показывать разные, противоположные грани дарования своих актёров.

«Иван Петрович» — личность странная, одержимая манией величия, «человек с револьвером», два раза появляющийся в пьесе: один раз, когда Федя Протасов решается инсценировать самоубийство, и второй раз — на суде, когда Иван Петрович передаёт Федю револьвер. Выстрел, застывшая, окаменевшая толпа, прерывистое дыхание умирающего и слова: «...А Маша... Опоздала... Как хорошо».

«Кончается», — написано в ремарке автора. «Кончается» народное, русское, простое слово. Медленно идёт занавес, в его складках движутся навстречу друг другу чайки, и кончается первое представление пьесы «Живой труп» — венок на могилу великого писателя.

Как нежно и грустно вспоминаешь о том, что видел и слышал 34 года назад! 34 года — это целая жизнь, жизнь взрослого, зрелого человека. С печалью думаешь о тех, кого уже нет на свете, и радуешься тому, что ещё в полную силу звучит в русском театре голос Москвина, Качалова, Алисы Коонен...

Богат был театральными событиями сезон 1911–1912 года.

23 сентября москвичи впервые увидели «Живой труп», три месяца спустя, 23 декабря состоялось первое представление «Гамлета».

Можно удивляться тому, что именно в это время устраивали диспуты о «кризисе театра» и немного позже критик Айхенвальд громогласно провозгласил гибель театра.

Принято говорить, что «Гамлет» не имел успеха. Это неверно: «Гамлет» Крзга, Станиславского и Суллержидского открывал новую эпоху в искусстве.

Вспоминаешь изумление зрителей, когда они увидели «ширмы Крзга», прямоугольники, образующие то переходы дворцовых залов, то террасы замка Эльсинор, наконец, золотой тронный зал.

Почти смятение было в публике, когда открылась золотая пирамида, которую венчала королева и королева в золотых мантиях. И чёрная пропасть у подножья пирамиды, балюстрада, где сидит,

отделённый пропастью от этого сияния, блеска и пышности, Гамлет, одинокий и зловещий... И мы услышали полные презрения и скорби слова, обращённые к королю и королеве.

Качалов-Гамлет тоже порастил зрителей. Они ранее привыкли видеть страдающего и «развинченного» принца, в традиционном чёрном плаще и берете с пером, как у Зибеля. А Качалов был воин, похожий на рыцаря монашеского ордена; голос его звучал мужественно, сильно и проникновенно. Гамлета окружали суровые, сильные люди, почти великаны ростом, воины. Лазерт-Болеславский был опасным и могучим противником Гамлета в поединке. Это был поединок двух воинов, смертельная схватка, а не театральное фехтование. Лязг клинков, яростная битва двух, схватившихся на смерть врагов, их гибель. И затем торжественно и скорбно звучал финал — фанфары, шествие Фортинбраса и его свиты, склоняющей знамёна над телом Гамлета, принца Датского...

Надо сказать, что убийства и гибель почти всех героев трагедии всегда несколько смущали и актёров и режиссёров, мечтавших о постановке «Гамлета». Слишком много трупов на сцене, слишком много крови, и при неудачной игре и постановке, особенно у гастролёров невысокого разбора, финал «Гамлета» получался порой пародийным.

На сцене МХАТ всё было иным: здесь перед глазами зрителей встал суровый, жестокий век, вставали суровые и мужественные люди, бесстрашные перед лицом смерти и рока. Это был достойный русский театр, достойный гения и величия Шекспира «Гамлет».

Возможно потому, что этот «Гамлет» открывал новые пути театру, утверждал новые сценические формы, зрители и критика больше говорили о внешности спектакля, чем о его сущности и толковании образов. Зрители запомнили красивую головку золотоволосой Офелии и прекрасное, мрачное лицо королевы Гертруды — её играла Книппер-Чехова.

Любопытно было наблюдать растерянность критиков, когда вокруг говорили о «ширмах Крзга». Отказаться в ту пору от писанных на холсте декораций, показать впервые трёхмерные конструкции — это было неслыханно и невиданно 34 года назад. Странно подумать, что в наше время это дерзновение уже никого не удивляет: наоборот, люди мечтают о мастерски написанных обыкновенных театральных декорациях.

«Гамлет» прошёл всего 47 раз. Его ставили почти три года, и за ним числится 142 репетиции.

Это был большой и почётный труд, и он не прошёл бесследно. В 1928 году, в день 30-летия Художественного театра, Алексей Максимович Горький писал «дорогим юбилярам»:

«...я не забываю, не могу забыть того, как огромна и прекрасна ваша работа, сколько талантливых людей воспитано вами, как щедро обогатили вы свою страну прекрасными артистами. Вот историческая заслуга, которой вы имеете неотрицаемое, неотъемлемое право гордиться...»

Эти справедливые и сердечные слова написаны рукой великого писателя и друга, имя которого с честью носит Художественный театр.

„Он человек был, человек во всём...”

Вильям Шекспир „Гамлет”

Гамлет — принц датский.
В роли Гамлета — В. И. Качалов.

ИСКУССТВО

Лауреат Сталинской премии Галина Уланова в роли Одетты (балет «Лебединое озеро»).

Фото А. Гаранина

Когда думаешь об Улановой, о всех немногочисленных ролях артистки, то образы её героинь невольно сливаются в один обобщённый и неизменно индивидуальный образ балерины. Её представляешь то в пышных белоснежных тюниках — «пачках», то в скромной кисейной тунике, но всегда почему-то стоящей в трепетной и мечтательной позе полуарабеска.

Так повелось ещё с выпускного спектакля балетной школы (1928 год), где Уланова выступала в фокинской танцевальной элегии «Шопениана». В этой гравюрной стилизации старинной баллады преобладает упругий мотив арабеска, когда рука запрокинута, тело опирается на одну ногу, а другая, вытянутая и свободная, простёрта ввысь.

Широта и размах, внутренняя сдержанность, интимность и самоуглубление — эти свойства приходили и накапливались постепенно в партиях Жизели, Одетты из «Лебединого озера», Джульетты из спектакля на музыку Прокофьева. Они в конце концов стали излюбленными особенностями стиля артистки.

...Джульетта приходит в келью к отцу Лоренцо просить благословения на брак с Ромео. Одета в чёрный плащ, на пальцах, словно на цыпочках, она подходит к распятию и смиренно и медленно склоняется к полу. От поднятой ноги к чуть опущенной, вбранной в плечи голове тянется плавная и выразительная линия.

Поза в балете — это пауза в драме, задумчивая остановка движения, когда человек всецело занят своими переживаниями и погружён и уходит в себя. Уланова застывает в позе душевного раздумья, и в ней и усталость, и тревожный порыв, и робкая недосказанность, и пританцованное ожидание, — словом, целая драма чувств.

Говорят, что главная тема творчества Улановой — любовь. Впрочем, это вообще основная и традиционная тема классического балета. Итак, Уланова танцует любовь. Но не просто любовь, пассивную или страстную, а любовь как подвиг и как подвижничество, любовь как самопожертвование и как жертву, как нечто спасительное и целебное. И Одетта, и Жизель, и Джульетта, и Мария из «Бахчисарайского фонтана» охвачены любовью, и она их облагораживает и возмечивает, даёт им мужество и волю к жизни. Это любовь, которая «сильнее смерти и страха смерти» (Тургенев). У всех героинь Улановой проступает какая-то нежная грусть. Если искать аналогий в художественной литературе, то нужно привести слова Лермонтова, говорившего, что «сердце, которое много любит, много грустит...» Грусть героинь Улановой естественна и лишена мрачности.

Героини Улановой по-настоящему честны и справедливы. Такова, например, Жизель. Жизель гибнет от разочарования, от отчаяния, но она полюблена не в любви, а в доверчивости.

Право на любовь ею выстрадано, и оттого с ним тяжело и невозможно расстаться.

Истоки «Жизели» в славянской мифологии. Генрих Гейне записал старинную славянскую легенду о «вилах» — невестах, умерших накануне

свадьбы. Теофиль Готье переделал её сюжет для балета. И вот уже больше ста лет живёт этот спектакль, ставший классическим преданием балетной сцены. Партия Жизели была прославлена искусством многих балерин, включая знаменитую Павлову. Теперь к ним присоединяется Уланова. Жизель стала своего рода эмблемой её творчества. И, может быть, вспоминая тематическое происхождение «Жизели», про Уланову говорят, что у неё «славянская меланхолия». Этим как бы подчёркивают национальное, русское в облике и природе её героинь. В этой «меланхолии» нет, конечно, ничего упадочного, тут есть всего лишь намёк на неторопливость, медлительность, мечтательную сосредоточенность в действии, которое само по себе уверенно и вполне достигает цели. Есть в искусстве Улановой нечто более существенное, если хотите, типичное для русского балета — это неизменное и пристальное внимание к внутренней жизни своих героинь, стремление познать смысл их поведения и жизни, это защита ими тех идей гуманизма и справедливости, которые отстаивает русское искусство во всех его областях. Тонкое, точное и вдохновенно осмысленное искусство танцовщицы ставит её в ряд с нашими крупнейшими современными художниками скульптуры, живописи, музыки и слова.

В. Потапов

Лауреат Сталинской премии Галина Уланова.

Фото Б. Фабисовича

Сцена из балета «Лебединое озеро».

Фото А. Гаранина

КУКОЛЬНЫЙ МЮЗИК-ХОЛЛ

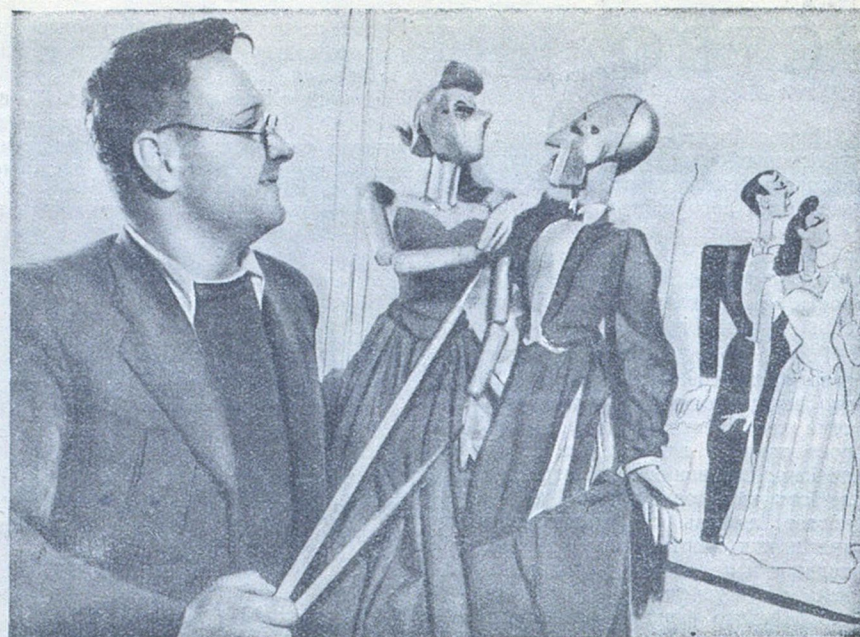
Кукольный театр родился из сказки, народного предания, легенды, народной сатиры, зачастую острой и обличающей.

Свою работу с куклами С. В. Образцов начал как эстрадный артист-сатирик 25 лет назад. Это было ново тогда. На эстраде устанавливалась разборная ширма, и зрители, ожидая появления обычного Петрушки, гадали, что нового скажет им этот извечный глашатай остроумной правды, а многие и позёвывали, опасаясь услышать куплеты про нерадивых завмагов, грубиянов-кондукторов и «уснувшим» местоме.

Неожиданно за ширмой кто-то приятным тенорком начинал петь старый, избитый романс. На ширме появлялась кудлатая собачья пара... Это был удар в самое сердце эстрадной пошлости, кабацкой цыганщины, которые в то время процветали на так называемых сборных концертах.

Собачьи дуэты, томные страдания котов одним махом уничтожали весь дешёвый лиризм «популярных» романсов.

В своей новой постановке Образцов обращается к злой иронии. Добродушную, весёлую улыбку сказочных спек-

Художник В. Андриевич с куклами «танцевальная пара из джаза».

таклей сменяет насмешка большого художника над серятиной и пошлостью в искусстве.

Ближайшая премьера Центрального театра кукол — кукольный мюзик-холл. В этом спектакле перед зрителями пройдут знакомые, привнесшие персонажи — участники «сборных» концертов.

Для каждой куклы-исполнителя найдены типичные, характерные штрихи. Для куклы-конферансье в мастерской театра сделаны десяток туловищ и всего одна голова. Она меняет только положение рук, наклоны корпуса, но физиономия, застывшая в слащавой, любезной улыбке, остаётся неизменной.

Укротительница зверей... В мюзик-холле Образцова будут выступать хищные коровы и не менее хищные... куры. Коровы будут рассаживаться по тумбам, как львы; для безопасности укротительницы заготовлены вилы, пистолеты, пожарные брандспойты.

Не обходится в таком концерте и без заслужившей свой срок певички — свирепой накрашенной женщины устрашающего объёма и с очень сомнительными вокальными данными.

Новая тема, новые персонажи потребовали и новой механики, приводящей кукол в движение. Художник театра В. В. Андриевич, оформляющий этот спектакль совместно с В. Н. Тереховой, — автор не только эскизов, но и изобретатель всех сложных механизмов, оживляющих кукольных артистов.

Самый сложный механизм размещён внутри певички. Она должна раскры-

вать рот при пении, поводить глазами и дышать одновременно животом, грудью, бёдрами.

У могучего атлета при поднятии тяжестей будут так раздуваться мускулы, что сделаются больше его самого. У трубача из джаза отчаянно надуваются щёки. Всё это сделано при помощи врачебной резиновой перчатки и самой обыкновенной груши от пульверизатора.

В этом спектакле Образцов снова высмеивает дешёвое пение. Но «другие времена — другие песни». Надрыпанный романс сменила лёгкая и лёгкая песенка, а томное журчание гитары — трескучий джаз.

Увешанная чернобурыми лисицами певичка исполняет песенку «Страсти ожидания на Арбатской площади». Джаз аккомпанирует, не всегда сообразуясь с силой её голоса. Вдруг одна из чернобурок, видимо, с более слабыми нервами, не выдержав этого шума, вырывается и удирает со сцены.

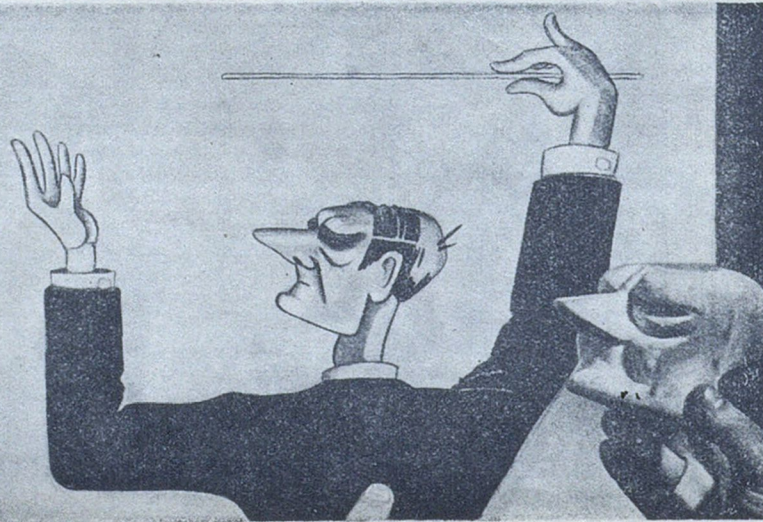
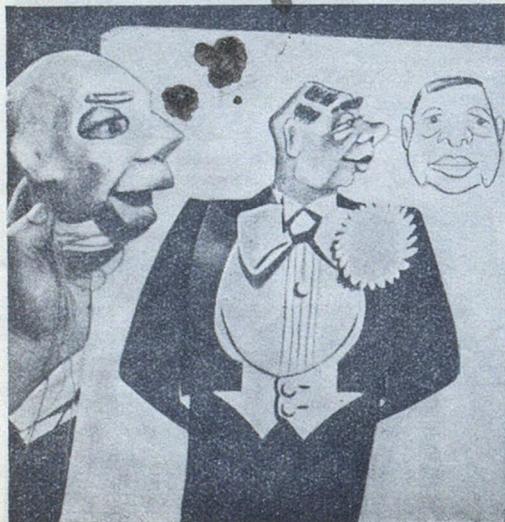
Для этого спектакля не пишутся ни специальные тексты, ни музыка. «Артисты» будут всерьёз исполнять всё то, что имеется в репертуаре нашей эстрады. Всё дело в том, как и кем это будет исполняться.

С. В. Образцов и его талантливый коллектив извлекли остатки смешных и уродливых явлений нашей эстрады, обобщили их и весело и остро смеются над ними. А вместе с ними искренно и непринуждённо будет смеяться и советский зритель.

Бор. Бегак

Эскиз куклы «опереточная певичка».

Слева: эскиз куклы «конферансье». Справа: эскиз куклы «дирижёр».

Фото С. Шингарёва

ПОДВИГИ НАШИХ ПРЕДКОВ

Вышла новая книга Сергея Голубова «Доблесть» («Советский писатель», 1945). Книга состоит из рассказов, посвящённых подвигам русских солдат в разных войнах. В предисловии автор пишет:

«Бесчисленные подвиги наших предков теснятся на страницах истории. Мы — прямые наследники их громкой военной славы. Мы храним и лелеем её драгоценные образцы. Совершенно так же будущие поколения советских воинов будут хранить и лелеять образцы доблести, проявленные Красной Армией в величайшей из войн».

Эти драгоценные образцы послужили темой всей книги. Первый рассказ — война 1805 года. Аустерлиц. Битва под Працем, когда знаменосец Азовского полка оказался отрезанным от своей части. В движении боя наполеоновская кавалерия отеснила Азовский полк, и знаменосец, раненый и без памяти, оказался в плену. Его первая мысль, едва он пришёл в сознание, была о знамени. Враг ещё не заметил знамени. Знаменосец скрыл знамя на себе, и вся дальнейшая жизнь израненного, пленного солдата была направлена на то, чтобы соединить знамя со своим полком. «Ведь полк, потерявший знамя, уже не полк, а просто толпа вооружённых людей, хотя бы и доказавших в бою своё право на честь, хотя бы и предводительствуемых храбрым начальником». Путём невероятных подвигов и самопожертвования знамя было возвращено Азовскому полку и полковая честь спасена.

Второй рассказ — 1808 год, Финляндия. Герой рассказа — отважный и мужественный Яков Петрович Кульнев. Это рассказ о значении разведки, об умении использовать свои знания о расположении противника, о военной хитрости.

«Секрет славы» и повесть «Атаман и фельдмаршал» посвящены Отечественной войне 1812 года.

«Честный слон» — рассказ о Плевне, 1877 год.

«Стережущий» — напоминает о героической обороне Порт-Артура в 1904 году и о бессмертном подвиге русских моряков.

Книга заканчивается повестью «Бекетовка», где рассказано о молодой Красной Армии, о боях за Царицын, о мужестве красноармейцев, воспринявших боевые традиции своих доблестных предков и соединивших в тех боях многовековой воинский дух с блестящим талантом своего командования.

Книга С. Голубова замечательна прежде всего единством темы, которая, проходя через различные сюжеты и разнообразный материал, каждый раз раскрывается по-новому.

Сергей Бородин.

Валентин Катаев

Сказка

Иллюстрации К. Елисеева

В Чёрном море, у берега Аркадии, жила прелестная рыбка, молодая султанка по имени Каролина. Все жители подводного царства восхищались её красотой. Когда она была ещё совсем малюткой и по целым дням носилась вместе с другими мальками и водяными блошками подле берега, подымая в воде целые вихри песка и пугая раков-отшельников, которые в страхе прятались в свои домики, похожие на кувшинчики, уже и тогда она обращала на себя внимание всём своим правом, резвостью и приятной наружностью. Действительно, это был прелестный ребёнок.

Когда Каролина подросла и превратилась в молодую рыбку с прозрачным золотистым хвостиком, коралловыми пёрышками, маленьким ротиком и большими изумрудными глазами, то все увидели, что она просто красавица.

Правда, некоторые её подруги утверждали, что она немного ветреная девушка. Но, я думаю, они говорили это скорее от зависти.

У Каролины не было отбоя от женихов. Стоило посмотреть на неё один раз, чтобы сейчас же влюбиться.

Два морских конька, только что окончивших кавалерийское училище, чуть не подрались у неё под окном. Но Каролина быстро их помирила, сказав, что любит их обоих совершенно одинаково, как братьев, и пока ни за кого замуж не собирается.

Бычок по имени Леандр, начинающий поэт, известный среди ценителей поэзии своим тонким лирическим дарованием, послал Каролине триолеты, которые писал на маленьких перламутровых раковинах, и в шкатулке у молодой красавицы этих раковин оказалась целая куча.

А пожилой электрический скат Антонио, знаменитый зубной врач и хирург с огромной практикой, который пломбировал и точил зубы всем местным дельфинам, каждый день присылал Каролине богатые подарки, а по воскресеньям являлся сам и делал ей предложение.

Было множество и других женихов, но так как они ничем выдающимся не отличались, то всех их перечислять было бы долго и неинтересно.

И всем женихам прекрасная Каролина с ласковой улыбкой говорила так:

— Благодарю вас за честь, которую вы мне оказываете своим предложением, но, право же, я ещё никого не люблю и пока не собираюсь выходить замуж. Я ещё слишком молода. Не скрою, вы мне нравитесь, но дайте мне немножко погулять на свободе. Приходите через год, и тогда я вам дам ответ.

И женихи удалялись, ещё сильнее очарованные её красотой и обходительным обращением, правда, немного огорчённые, но вместе с тем не теряя надежды через год получить её согласие.

Однажды, собираясь на бал, Каролина рассматривала себя в зеркало и вдруг заметила на боку, под плавником, крошечный прыщик величиной с песчинку.

Каролина не придавала ему никакого значения, припудрила его и поехала на бал.

Но через несколько дней она заметила, что прыщик вырос и стал с горчичное зерно. Хотя он не причинял ей никакого беспокойства, но Каролина встревожилась.

Не теряя времени, она отправилась к своей дальней родственнице старой камбале

Фаине. Старуха по целым дням лежала на дне, зарывшись в песок, никого не принимала, и ходили слухи, что она колдунья.

Камбала Фаина надела черепаховые очки и долго рассматривала горошину, выросшую под плавником Каролины.

— Милая племянница, — наконец сказала она торжественно, — можешь не беспокоиться. Тебе не угрожает никакая опасность. Наоборот, тебе привалило большое счастье. Это зёрнышко у тебя под плавником есть не что иное, как маленькая жемчужина изумительной формы и необыкновенного качества.

— Как — жемчужина?! — воскликнула Каролина в крайнем удивлении. — Но ведь нам говорили в школе, что жемчуг рождается в раковинах.

— Это верно, — сказала старая камбала, — обычно жемчуг рождается из песчинки в раковине. Но бывают исключения. В одной из моих старых волшебных книг написано, что иногда жемчуг рождается и под плавниками у рыбы. В таком случае жемчужина с течением времени вырастает необыкновенно крупная, совершенно круглая, изумительная по красоте. Подобные рыбы жемчужины ценятся у ювелира баснословно дорого. Одна штучка обычно представляет собой целое состояние. Правда, это бывает очень редко — однажды в сто или двести лет, — потому что рыба, у которой вырастает жемчужина, должна быть редкая по красоте и уму, а такие рыбы попадаются не часто.

— О, в таком случае это несомненно жемчужина! — радостно воскликнула Каролина и поплыла домой, осторожно прижав плавник, чтобы как-нибудь случайно не повредить драгоценного зерна.

С этого дня характер Каролины изменился. Она стала пропускать балы, неохотно танцевала и всячески избегала общества своих молоденьких подруг, которые любили побегать и порезвиться. Она стала молчалива, задумчива.

— Что с тобой, Каролиночка? — с тревогой спрашивали подруги. — Уж не больна ли ты?

Но Каролина получила хорошее воспитание и не хотела обижать своих подруг, сказав им, что для неё, избранницы судьбы и счастливой обладательницы бесценной жемчужины, их общество уже не представляет никакого интереса.

Поэтому она вежливо отвечала:

— Нет, благодарю вас, я чувствую себя превосходно.

И на её прелестном маленьком ротике появилась таинственная, высокомерная улыбка.

Она полюбила одиночество. Оставаясь одна, она обыкновенно вынимала из своей шкатулки зеркало и долго рассматривала свою жемчужину, которая стала уже с небольшую горошину.

— Ах, как медленно растёт моя жемчужина! — говорила про себя Каролина. — Впрочем, чем медленнее она растёт, тем лучшего качества она будет, и тем больше я получу за неё денег у ювелира, когда она вырастет с лесной или, ещё лучше, с грецкий орех. И тогда я стану самой богатой рыбкой в мире. Пусть растёт! Я никуда не спешу. У меня впереди ещё целая жизнь.

И когда через год к ней пришли за ответом два морских конька, она, посмотрев на их уже несколько поношенные мундиры, весело рассмеялась и сказала:

— Ах нет, друзья мои! Не будем больше поднимать этот вопрос. Я никогда не выйду замуж ни за одного из вас. Прощайте.

— Но, может быть, вы, прекрасная Каролина, — сказал один из коньков, — по крайней мере скажете нам на прощанье, что вы будете любить нас как братьев. Это хоть немного облегчит наше горе.

— Увы, — сказала Каролина, — я вам не могу обещать даже этого.

— Но почему же? — воскликнули морские коньки.

— Потому что вы для меня слишком бедны. Это очень жаль. Но, к сожалению, ничего не поделаешь. Такова жизнь.

— Но ведь каждый из нас готов заплатить за ваше богатство своей жизнью! — снова воскликнули коньки.

— К сожалению, моё богатство так велико, что заплатить за него не хватит не только двух ваших жизней, но и жизней всех морских коньков, окончивших вместе с вами кавалерийское училище, — сказала Каролина со вздохом, и на её ротике появилась таинственная улыбка.

— Тогда мы знаем, что нам остаётся делать. Прощайте, жестокая Каролина! — сказали коньки и тотчас отправились на войну, где в первом же сражении показали чудеса храбрости, а во втором — были убиты.

То же самое ответила Каролина и остальным своим женихам.

Бычок Леандр зарыдал, сказал, что его жизнь навсегда разбита, и обещал покончить с собой, выбросившись на берег. Однако обещания своего не исполнил, но вместо этого поломал все раковины с подлинными триолитами, посвящёнными жестокой Каролине, а затем поступил фельетонистом в газету, где в очень ядовитых стихах стал бичевать нравы высшего общества, а также высмеивать порядки на подводных железных дорогах, что быстро принесло ему громкую славу и большие деньги.

Что же касается электрического ската Антонио, то он сухо поклонился и сказал:

— Как угодно, сударыня. Не хотите — не надо. Но имейте в виду, я вам этого никогда не прощу.

И с достоинством удалился на заседание хирургического общества, где был почётным председателем.

Время шло. Все подружки Каролины давно повыходили замуж. Многие из них уже имели детей. А Каролина продолжала ходить в девушках и отказывать женихам, которые всё ещё не переводились, так как Каролина была попрежнему прекрасна.

— Милая! Что же это будет? — в ужасе говорили подружки. — Ты рискуешь остаться старой девой!

— Ничего, — отвечала Каролина, — я выйду замуж тогда, когда найду достойного.

— Да, но время идёт! Ты стареешь. Потом будет слишком поздно.

— Для меня никогда не будет поздно, — говорила Каролина, и на её губах появлялась знакомая улыбка.

И попрежнему, оставаясь одна, она разглядывала в зеркале свою жемчужину, которая выросла до размера лесного ореха и уже настолько мешала плавнику двигаться, что Каролине приходилось плавать несколько боком, всё время забирая влево, что было не совсем изящно.

Мало-помалу почти все женихи от неё отстали, и только иногда являлись свататься провинциалы из Дофиновки, куда ещё не дошли слухи о её странной недоступности.

Конечно, она уже не была так молода и прекрасна, как раньше, но всё же ещё могла нравиться. Однако она продолжала ждать,

с каждым днём чувствуя, что делается всё богаче и богаче. Её жемчужина уже стала величиной с большой грецкий орех и всё ещё продолжала расти, так что было жалко продавать её раньше времени.

К этому времени Каролина совершенно перестала бывать в своём прежнем обществе. Она либо сидела дома одна, рассматривая свою жемчужину, либо проводила время у камбалы Фаины, в обществе пожилых замкнутых устриц, обросших морской травой, и старичков-крабов с лысыми черепами, покрытыми моллюсками. С ними было хотя и скучновато, но можно было сколько угодно молчать, сидя неподвижно на старых консервных жестянках, много лет тому назад выброшенных сюда с берега, и никто не ставлял бегать в горелки или танцевать.

Таким образом прошло ещё несколько лет, и Каролина не заметила, как она превратилась в старушку.

Зато её жемчужина стала приближаться уже к небольшому яблоку и была так тяжела, что пожилая красавица с трудом двигалась.

Но прежняя улыбка не сходила с её губ.

Однажды она возвращалась домой от своей тётушки и села передохнуть на скамеечке в городском сквере, под тенью густых водорослей. Вдруг она увидела, как возле мраморного подъезда, лучшего в городе отеля, «Морская звезда», остановился блестящий автомобиль, из которого выскочил молодой дельфин такой красоты, что у Каролины потемнело в глазах.

Его маленькие острые зубки сверкали, как самый чистый, самый белый жемчуг, совершенно круглые неподвижные глаза светились молодо и глупо, как дымчатые топазы, а тугое, блестящее тело отливало всеми оттенками синего цвета, начиная с режущего глаза ультрамарина и кончая серовато-голубым, таким мягким и нежным, каким бывает Адриатическое море в марте, через час после заката солнца.

— Это он! — воскликнула Каролина и бросилась за молодым дельфином, который уже успел войти в дом.

Но дорогу ей преградил швейцар — старый и необыкновенно колючий морской ёж:

— Что вам угодно, сударыня?

— Мне необходимо видеть этого молодого дельфина! — сдерживая волнение, сказала султанка.

— Не думаю, чтобы его светлость мог вас принять.

— Его светлость?

— Да, сударыня, ибо это принц Эгейский, прибывший сюда всего лишь на несколько часов по весьма важному личному делу. Он приехал сюда жениться и сейчас же после свадьбы отбывает со своей молодой супругой обратно на родину.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — сказала Каролина, дрожа всем телом, — на ком он женится?

— Вы, сударыня, вероятно, приехали из Дофиновки или давно уже не бывали в обществе. Об этом говорят все. Его высочество женится на мадемуазель Кризолите, старшей дочери мадам Абажур.

— Как! — в сильнейшем волнении воскликнула Каролина. — Он женится на Кризолите? На этой отвратительной, холодной медузе?

— Совершенно верно, сударыня.

— Не может быть! Я не понимаю, что он в ней нашёл! Ведь в ней же ровно ничего нет: ни молодости, ни красоты, ни души, ни сердца. Достаточно посмотреть сквозь неё на солнце, чтобы убедиться, что она совершенно пуста, как банка, из которой вылили простоквашу.

— Вы правы, сударыня, но дело в том, что

принц Эгейский, несмотря на свою молодость и красоту, недавно окончательно промотался, так что ему остаётся либо поступить на службу, чего он в силу высокого происхождения никогда себе не позволит, либо жениться на богатой, хотя и отвратительной медузе и взять за ней в приданое сто тысяч.

— Как! Всего только сто тысяч?

— Это большие деньги, сударыня, — серьёзно сказал морской ёж, — особенно, если принять во внимание, что у его высочества нет другого выбора и что его высочество...

Но Каролина не стала дальше слушать болтовню. Она оттолкнула ежа с дороги и хоть при этом сильно укололась, но не обратила на это никакого внимания.

У людей есть такое представление, что у рыб холодная кровь. Это не всегда справедливо.

У Каролины кровь оказалась горячая, как кипяток. В тот миг, когда она появилась на пороге салона, принц Эгейский надевал перед зеркалом белые лайковые перчатки. Его красота поразила Каролину ещё сильнее, чем в первый раз.

При виде пожилой взволнованной султанки, в топазовых фосфорических глазах молодого дельфина мелькнуло изумление. Но Каролина не дала ему произнести ни одного слова.

— Ваше высочество! — сказала она, протягивая к нему с мольбой один плавник, так как другой был уже давно парализован жемчужиной. — Я ждала вас всю жизнь. И вот вы пришли. Я знаю, в обществе не принято, чтобы молоденькая девушка делала первый шаг. Но я его делаю, потому что вы прекрасны и потому, что я люблю вас.

— Но, сударыня...

— Нет, нет, — продолжала Каролина с жаром, — не говорите мне ничего, пока вы меня не выслушаете. Я знаю всё. Я богата. Я не просто богата, а я сказочно богата. Я обладаю сокровищем, равного которому нет в мире. Любой ювелир может дать за него столько денег, что по сравнению с ними жалкое приданое вашей пустой, ничтожной и холодной Кризолиты покажется соринкой. И это сокровище я кладу к вашим ногам. Оно сделает нас самыми богатыми и самыми счастливыми рыбами во всей вселенной. Теперь говорите.

— Гм... — сказал молодой дельфин, который был большим негодяем, и топазовые глаза его алчно сверкнули. — Но я бы хотел увидеть ваше сокровище.

— Оно перед вами, ваше высочество, — сказала Каролина и показала принцу Эгейскому жемчужину, сняв с неё платок, которым она её всегда покрывала с тех пор, как жемчужина перестала помещаться под плавником.

Дельфин бросил равнодушный взгляд на драгоценность и сказал холодно:

— Видите ли, сударыня, я не большой знаток в жемчугах. В тех морях, откуда я родом, жемчуг не водится. Поэтому я бы предпочёл увидеть что-нибудь более для себя привычное. Гм... Например, просто деньги.

— О, ничего не может быть проще! — весело воскликнула Каролина. — Я сейчас схожу к ювелиру и принесу вам корзину денег. Три корзины. Сколько хотите.

— Мне кажется, что было бы довольно и четырёх корзин, — сказал молодой дельфин, — но дело в том, что я боюсь, как бы всё это не слишком затянuloсь. Через час я должен быть в церкви.

— Ровно через час я буду здесь.

— Прекрасно, — сказал дельфин, вынимая из жилетного кармана золотые часы. — Сейчас без четверти три. Если вас не будет до без четверти четырёх, то я принуждён буду,

Рисунок Мих. Милославского

Ни холода, ни зноя, ни дождя
Мы не боялись. Силы не щадя,
Мы гнали мяч к его конечной цели.
Упорные футбола мастера,
Мы победили. Холод и жара
Нам нипочём! Но вы за нас болели:

От холода, от зноя, от дождя
И от любви к футболу... Подводя
Итоги миновавшего сезона,
Торжественно подносим вам букет.
Пожалуйста, примите наш привет,
Заслуженный болельщик стадиона!

Эмиль КРОТКИЙ

Ж Е М Ч У Ж И Н А

как мне это ни грустно, ехать в церковь и жениться.

Можете себе представить, как мчалась влюблённая Каролина к ювелиру!

То и дело она спотыкалась, падала, присаживалась отдохнуть. Её старое сердце громко стучало в старой груди. Она так тяжело дышала, как будто её вынули из воды и бросили на песок. Но ей казалось, что она летит на крыльях.

— Я принесла вам редчайшую вещь, — сказала она, подходя к прилавку ювелира. — Она стоит таких денег, которых у вас даже может и не оказаться в наличии. Но это не имеет значения. Мне нужны пустяки — всего лишь четыре корзины денег. А остальные деньги — сколько бы их ни было — можете оставить у себя. Только ради бога поскорее!

Ювелир был старый, опытный краб, привыкший никогда ничему не удивляться. Он встал в глаз трубку и сказал:

— Присядьте, мадам. Четыре корзины денег у меня, конечно, всегда найдётся. Но,

прежде чем говорить о деньгах, разрешите мне взглянуть на вещь.

И Каролина показала ему жемчужину.

Старый краб долго её рассматривал со всех сторон, то снимая, то опять надевая своё стёклышко. Наконец, он закончил осмотр и сказал:

— Вы правы, сударыня. Это очень, очень большая редкость. Но вы напрасно обратились с этой вещью ко мне. Вам надо было обратиться в какой-нибудь музей или кунсткамеру. Это редчайшая по величине бородавка. А бородавок, к сожалению, наша фирма не покупает.

— Этого не может быть! — воскликнула Каролина, почти теряя сознание. — Это жемчужина. Разве вы не видите? Это самая большая жемчужина в мире!

— Увы, мадам, вы ошибаетесь. Это не жемчужина, а бородавка. К сожалению, я это слишком хорошо знаю. У моей покойной супруги на правой клешне была точно такая же бородавка, только, разумеется, меньших размеров. Она выросла от того, что на клешню попала песчинка, а моя покойная супруга своевременно не обратила на это внимания. Конечно, бородавка продолжала бы расти и до сих пор, если бы моя супруга по неосторожности не попала в сачок к мальчику, который ловил креветок. Кроме

того вам должно быть известно, сударыня, что жемчуг рождается на внутренних створках особых раковин, которые так и называются «жемчужницы». Но я никогда не слышал, чтобы жемчуг рождался под плавником у рыбы, хотя и такой прекрасной, как вы, сударыня...

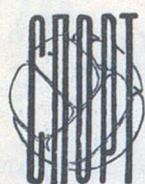
— Но моя тётка сама, собственными глазами читала в старинной волшебной книге! — начала Каролина голосом, дрожащим как струна от горя, отчаяния и ревности, которые разрывали её сердце.

— Ах, мадам, не следует особенно доверять старинным, а тем более волшебным книгам. Если бы всё, что пишется в старинных и волшебных книгах, была правда, то жить было бы гораздо легче и веселее... Но я вижу, вы плачете?

Когда красавец Дельфин вышел со своей молодой женой медузой Кризолитой из церкви, на паперти, среди других нищих рыб, стояла Каролина — старая, сгорбленная, со слезами на некогда прекрасных глазах.

Кризолита узнала её и шепнула своему мужу:

— Обратите, ваше высочество, внимание на эту бедную женщину. Когда-то она была очень красива. Мы с ней учились в одном классе. Она имела большой успех в обществе.

ПОСЛЕДНИЙ МАТЧ СЕЗОНА

Фото М. и Н. Волковых и О. Кноррига

Ночью выпал снег. Любители футбола, посмотрев утром в кино, нахмурили брови и сказали: «Кончился сезон».

Хоккеисты, лыжники, конькобежцы, глянув утром в окно, улыбнулись и промолвили: «Начался сезон».

Преждевременно печалились первые и радовались вторые. Футбольный сезон не кончился. Предстоял последний матч спортивного года. Финальная игра на «Кубок СССР», игра, к которой, по существу, стремились сотни команд, тысячи футболистов.

Но снег, не считаясь со спортивным календарём, всё-таки выпал. Зима сделала свою первую заявку. Пришлось мобилизовать чуть ли не весь штат стадиона «Динамо», чтобы убрать снег с футбольного поля. Нескольким сот мальчишек за право иметь входной билет на последний матч с утра очистили скамьи, лужки, лестницы, проходы от снега.

Москвичи глядели на зимовое небо такими глазами, точно молили его больше уж не нарушать спортивного календаря. Хватит и того снега, который выпал за ночь. Небо угрюмо молчало.

И в полдень начался шум метро, трамваев, автобусов, троллейбусов. Большой чёрной лентой по обеим сторонам Ленинградского шоссе двига-

лись пешеходы. Сотни машин, стараясь друг друга обогнать, мчались к стадиону. Автомобильные гудки, слившись в общий гул, потеряли свой обычный авторитет, троллейбусы ползли по Ленинградскому шоссе с быстрой черепахи и буквально прибивали себе путь. Трамваи всех маршрутов один за другим вереницей тянулись к Петровскому парку. Автобусы добирались к стадиону переулками и закоулками. Поезда метро не останавливались на станции «Стадион Динамо», ибо надземная площадь была до отказа забита людьми и выйти на улицу не было никакой возможности.

К двум часам дня все трибуны, ложки, проходы динамовского стадиона красавца были переполнены. Такого количества людей давно не было на спортивных соревнованиях. Значит, интерес к футболу достиг, так сказать, «довоенного уровня». На этот матч любители футбола приехали из Киева, Харькова, Горького, Ленинграда, подмосковных городов. На матче было много офицеров, прилетевших из Берлина, Вены, Варшавы.

Перед глазами 80 тысяч зрителей лежало яркоезелёное поле. Беговые дорожки покрыты снегом. Это тоже напоминало о конце летнего сезона и ещё больше усиливало интерес.

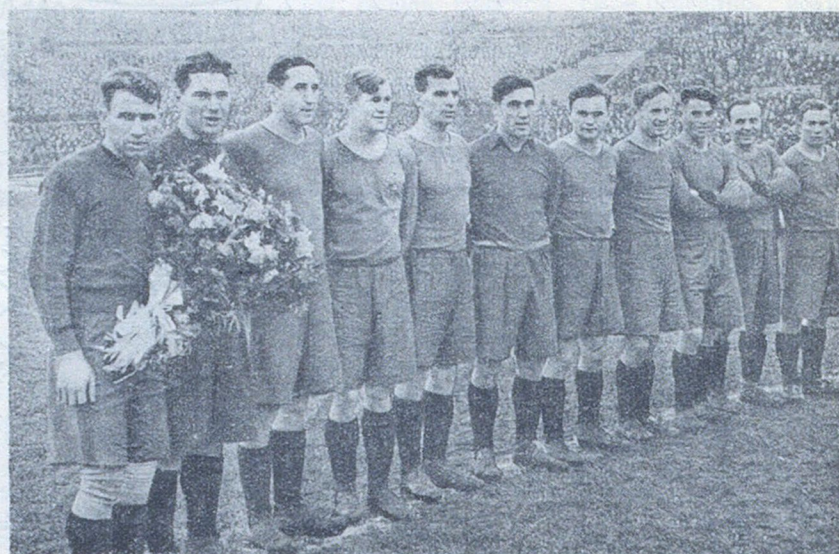
Впрочем, интерес и без этого был слишком велик. Две футбольные

команды, победившие всех своих соперников и выигравшие по разу друг у друга, вновь и в последний раз должны были встретиться и на сей раз решить, кто же из них сильнее. Статут розыгрыша «Кубка СССР» не допускал ничьей, и, стало быть, в этот последний день победитель при всех случаях должен был быть определённым, но кто: ЦДКА или «Динамо»?

Эти два футбольных клуба давно уже оспаривают право называться лучшим. И в их родословной записаны и красивые победы и мало красивые

проигрыши. И уже в этом году, весной, в матчах на первенство страны «Динамо» обыграло армейских футболистов со счётом 4:1, а в ответном матче осенью проиграло им в «сухую» 0:2. Кто же выиграет теперь, при снеге?

Судья Эльмар Саар вышел на поле и вызвал команды. Ровно в 2 часа дня ударом по мячу динамовца К. Бескова начался этот увлекательный футбольный матч. С этого момента 80 тысяч зрителей безостановочно следили за футбольным мячом, а сот-

Команда ЦДКА. Слева направо: Г. Федотов (капитан команды), В. Никаноров, А. Прохоров, В. Бобров, Г. Тучков, А. Виноградов, В. Николаев, А. Гринин, И. Кочетков, Б. Афанасьев, В. Дёмин.

Гол вбит

ни тысяч слушателей, не сумевших попасть на стадион, внимательно слушали голос диктора. Можно смело сказать, что и зрители и слушатели нервничали, вздыхали, прыгали, размахивали руками, а иногда и ногами, одинаково.

И когда в ворота влетел мяч то аплодисменты одновременно разлапались на стадионе «Динамо», на Пушкинской площади, в Тбилиси, Ташкенте, Кенигсберге и Берлине.

В Берлине в часы матча шёл проливной дождь, а сотни любителей

футбола, не глядя на небо и не замечая дождя, как завороченные глядели в чёрную пасть уличного репродуктора. Матч начался в быстром темпе. Динамовские нападающие, и особенно С. Соловьёв и В. Трофимов, последовательно и разумно проводили одну атаку за другой. С первых же минут игра приняла острый характер и была полна красивых и опасных комбинаций у ворот то одной, то другой стороны. И каждый раз, когда мяч оказывался на штрафной площадке или форвард вырывался к воротам, на

трибунах раздавался общий вздох десятков тысяч людей. И в один из таких моментов, когда С. Соловьёву удалось на какую-то долю секунды опередить вратаря В. Никанорова и вбить мяч, на стадионе вздох перерос в бурю рукоплесканий, в крики, в какой-то трудно передаваемый шум.

Счёт 1:0 в пользу «Динамо».

Нет смысла списывать все перипетии матча. Нужно только сказать, что обе команды играли великолепно во всех своих линиях, играли дружно, играли резковато, что почти неизбежно в таких матчах, и в общем показали высокий класс игры. В первой половине соревнования «Динамо» играло лучше, стройнее, эффективнее. В игре его форвардов и хавбеков был какой-то рисунок, видимо, продуманный и прочувствованный. Армейские футболисты, особенно линия нападения, поражали сыгранностью, пониманием друг друга и исключительным желанием во что бы то ни стало победить.

Если бы можно было суммировать все интересные, острые положения, возникавшие у футбольных ворот во многих последних матчах, и то их было бы меньше, чем в этом одном напряжённом, ответственном соревновании. В самом конце первой половины матча футболистам Центрального Дома Красной Армии удалось отквитать мяч.

Команды уходили с поля под дружные и продолжительные аплодисменты со счётом 1:1.

Вопрос, кто же победит, оставался открытым.

После перерыва картина несколько изменилась. Армейские футболисты бросались в атаку с видимой жадной победы. Их форварды В. Дёмин, В. Бобров, прославленный Г. Федотов, В. Николаев, А. Гринин смело, остроумно проводят комбинации, на которые не сразу реагирует динамовская защита. Хавбеки ЦДКА А. Виноградов и Б. Афанасьев «трудятся» без единой минуты отдыха. То они бьют по воротам «Динамо», а через минуту они уже головой выбивают мяч из своих ворот. И если футболистов можно назвать «тружениками поля», то первые претенденты на это звание — А. Виноградов и Б. Афанасьев.

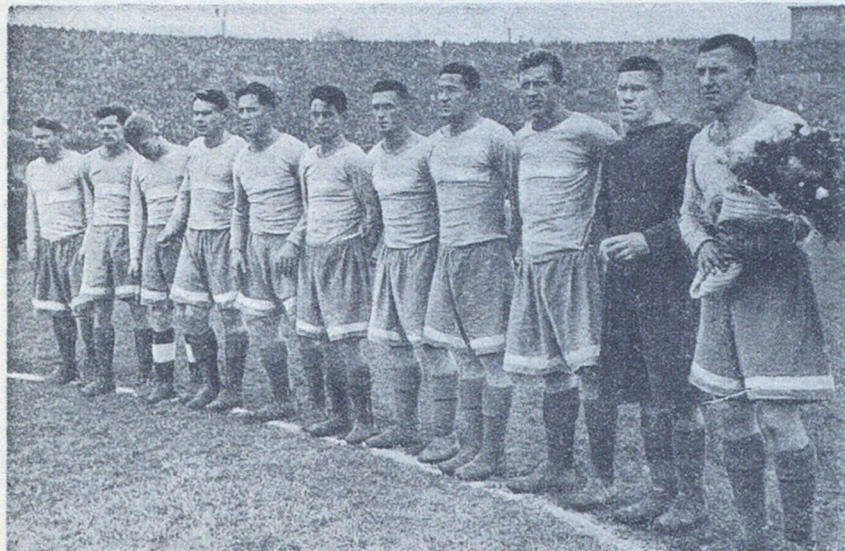
Атака ЦДКА кончилась успехом: А. Виноградов издали сильно ударил в ворота «Динамо», вратарь Хомич сделал попытку взять мяч, но удержать его не смог. Мяч в сетке. Счёт — 2:1. Это был последний мяч игры «Кубка СССР», сезона. Этим мячом был решён исход всего соревнования, этот мяч принёс команде ЦДКА победу и «Кубок СССР»... Последний мяч.

Кончился розыгрыш традиционного футбольного трофея. Кончился футбольный сезон.

Любители, покидая стадион, последний раз любозно взглянули на зелёное поле, мысленно попрощались с ним и громко сказали:

— Теперь пусть снег валом валит.

М. Мержанов

Команда «Динамо». Слева направо: В. Трофимов, В. Карцев, Н. Дементьев, К. Бесков, С. Соловьёв, В. Блинков, И. Станкевич, В. Радикорский, Л. Соловьёв, А. Хомич, М. Семичасный (капитан команды).

Семичасный отбивает мяч. Справа: «Кубок СССР» по футболу.

МАРКИ СО ВСЕГО СВЕТА

На протяжении 60 лет в Центральном музее связи имени А. С. Попова составляется коллекция почтовых марок. В настоящее время это — одно из крупнейших в мире собраний. Коллекция имеет почти 250 тысяч различных марок, помещённых в 144 альбомах.

Государственная коллекция почтовых марок Музея связи состоит из отдельных собраний: коллекции марок всего мира, отдельно собрания марок России, земской почты, русской почты в Леванте и Китае, коллекции марок Финляндии, Афганистана, Монголии и Польши. В 25 альбомах размещена коллекция марок СССР, не имеющая равных по своей полноте и качеству.

Отдел филателии музея ведёт большую научно-исследовательскую работу по изучению и описанию знаков почтовой оплаты. Почти со всех уголков земного шара получает музей в порядке международного обмена образцы выпускаемых марок. Обязательные экземпляры советских марок присылает ему и Центральная марочная экспедиция Наркома связи СССР.

Только за годы Великой отечественной войны в СССР выпущено 39 серий почтовых марок, содержащих 148 различных сюжетов. На марках запечатлены Герои Советского Союза — Зоя Космодемьянская, Шура-Чкалин, капитан Гастелло, радист Фёдор Лузан и многие другие. Специальные марки посвящены годовщине разгрома немцев под Москвой, Дню Победы, героям-героям, орденам Советского Союза и т. п. Некоторые из марок уже теперь стали редкостью. К таким относится, например, марка «Будь Героем», выпущенная 12 августа 1941 года. Оригинал её исполнен фабрикой Гознака с одностороннего плаката художника Тондза, выпущенного издательством «Искусство».

Среди поступивших за последнее время в музей знаков почтовой оплаты иностранных государств интересны, например, марки, выпущенные в 1945 году Французским комитетом национального освобождения. Серия этих марок с изображением различных самолётов, сухопутного оружия, а также воинов французской армии предназначена для колоний и имеет соответствующие надпечатки. Блок марок, изданных Китаем, посвящён беженцам, лишившимся своего крова в результате японской агрессии. Оригинальные марки выпущены

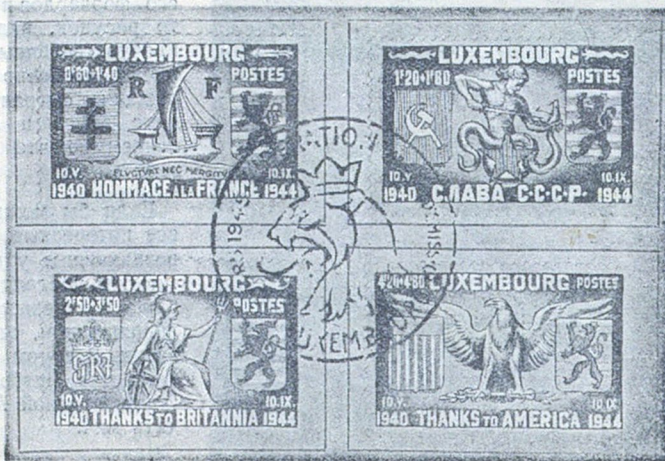
в июне 1945 года в Бельгии. На этих марках надпись: «Для наших пострадавших».

Недавно музею переданы марки, выпущенные Люксембургом. Посол Люксембурга г-н Рене Блюм в письме на имя народного комиссара связи Союза ССР сообщил:

«В ознаменование освобождения территории Великого Герцогства Люксембургского моё Правительство недавно выпустило серию почтовых марок, так называемых «Марок освобождения».

По этому случаю Люксембург считает своим долгом выразить свою благодарность Советскому Союзу, его прославленному вождю и Красной Армии, которые ценой стольких жертв в столь высокой степени способствовали поражению захватчиков и освобождению люксембургского народа.

Моё правительство просит меня адресовать Вам один экземпляр оригинала этой серии, на картонной бумаге, отштампованный 1 марта, в день выпуска».

Выпуск Люксембурга, оформленный в виде коммеморативного блока и погашенный особым штемпелем, состоит из четырёх марок, посвящённых Франции, Великобритании, США и СССР. На марке, относящейся к СССР, имеется аллегорическое изображение воина Красной Армии, поражающего змея, а ниже рисунок пятиконечной звезды и текст на русском языке: «Слава СССР!».

Г. ГОЛОВИН,

директор Центрального музея связи

под редакцией мастера
Н. Зубарёва

ПАРТИЯ

играна на Всесоюзном турнире шахматистов первой категории

(Таллинская группа)

Французская

Смыслов (Киев) Серебрянский (Харьков)

1. e2—e4 e7—e6
2. d2—d4 d7—d5
3. Kb1—d2 Kb8—c6

Практикой установлено, что продолжение 3. ... c5, 4. ed, ed; 5. Cb5+, Cd7; 6. Fe2+, Fe7; 7. C: d7+, K: d7; 8. dc, Ф. e2+; 9. K: e2, C: c5; 10. Kb3 — ввиду слабости чёрной пешки d5, выгодно для белых.

4. Kg1—f3 Kg8—f6
5. e4—e5 Kf5—d7
6. c2—c3

лучше 6. Cb5

6. ... d7—f6
7. e5: f6

После этого чёрные получают лучшую игру. Следовательно 7. Cb5 удерживал пункт e5.

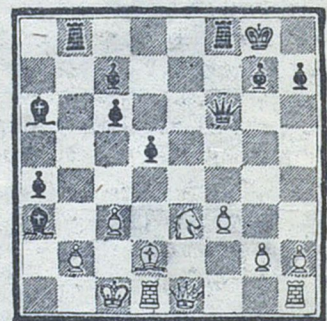
7. ... Фd8: f6
8. Cf1—b5 Cf8—d6
9. Фd1—e2 0—0
10. Kd2—f1

Белые совершенно бездейно разыграли дебют. Преимущество чёрных становится всё очевиднее.

10. ... e6—e5
11. Cb5: c6 b7: c6
12. d4: e5 Kd7: e5
13. Kf3: e5 Cd6: e5
14. Cc1—d2 a7—a5
15. 0—0—0 Cc8—a6
16. Fe2—e1 a5—a4

Пока белые фигуры беспомощно толкуются на двух первых горизонталях, чёрные начинают решительное наступление на позицию белого короля.

17. a2—a3 La8—b8
18. Kf1—e3 Ce5—d6
19. f2—f3 Cd6: a3!

Чёрные изящно завершают хорошо проведённую партию.

20. b2: a3 Ca6—d3!
21. Ke3—c2 Cd3: c2

Белые сдались. На 22. Krc1: c2 последует Фf5+.

Почему мы так говорим

ЗАЛП, САЛЮТ

Залп — одновременный выстрел из орудий, несущий смерть и разрушение. Между тем слово «залп» означает пожелание здоровья: это обрусевшее французское «сальв», образованное от латинского «сальве» — будь здоров, здравствуй. Явное несоответствие между действием и прямым смыслом слова объясняется историей рождения слова «залп». В суровое средневековье бывшие враги при мирных встречах протягивали друг другу руки в доказательство того, что у них действительно нет сружия. Так из ошупывания рук родился знак приветствия — рукопожатие. Таково же происхождение нашего обычая приветствовать друг друга снятием головного убора: в знак полного доверия при дружеских встречах снимали металлический шлем, защищавший голову от холодного оружия.

Этой же потребности реальных доказательств мирных намерений обязан обычай приветствовать выстрелами высоких гостей. При их приближении защищённые города разряжали выстрелом орудия, чтоб показать, что вступающим в город ничего не грозит. Потом выстрел из всех орудий, как и в случае с рукопожатием, стал знаком торжественного приветствия.

Другое слово для одновременного выстрела из многих орудий — «салют» — происходит от того же латинского корня, что и «залп» и в переводе означает «приветствие». Здесь происхождение слова и смысл совпадают, так как салют — исключительно знак приветствия.

РЕГУЛИРОВАТЬ

Установление весеннего и осеннего равноденствия, а следовательно, и точное определение длины года, вы-

работка календаря и т. д. могли быть сделаны человеком только в результате длительных наблюдений за движением звёзд. Громадное значение имели наблюдения над восходом близэкваториальных звёзд, в частности Регула (в созвездии Льва). От Регула (в переводе — «Царственная» звезда), определявшего дни равноденствия, и латинское «регуляре», от которого наше «регулировать» — приводить в порядок, равномерность, — «регулярный» и др.

ОТБРИТЬ

В старину русские холили бороду, расчёсывали и умасливали её. Чем длиннее была борода, тем почтнее казалась осанка мужчины. Брить бороду считалось богомерзким и непристойным. По обряду покойники не служили панихиде, его не хоронили по христианскому обряду. При царе Алексее Михайловиче протопоп Аввакум отказал в благословении даже знатному боярину Шереметьеву, выбрившему себе бороду по западноевропейскому образцу. При том значении, какое придавали бороде, понятно, что на неё бывали и покушения, особенно из мести. Поэтому закон защищал бороду: в XI веке «Русская правда» назначала за повреждение бороды вчетверо большую пеню, чем за увечье. Вот почему отбрить кого-нибудь значило причинить крупную неприятность, оскорбить и принизить. Как дальний отголосок этого отношения к бороде, и сегодня слово «отбрить» сохранило значение дать отпор, осадить, отчитать.

И. Уразов

Из письма лётчика-штурмовика
Героя Советского Союза
тов. КРУГЛОВА

"Отвечаю на Ваш вопрос. За время Отечественной войны я сделал 189 боевых вылетов на самолёте "Ил-2". Приходилось летать и по несколько раз в день, - это требовало большого напряжения сил, но я всегда оставался здоровым и бодрым.

И я и мои ближайшие товарищи регулярно принимаем витамины С, В₁, и А. Можно с уверенностью сказать, что они содействовали укреплению здоровья и повышению выносливости, которая была так необходима в нашей боевой работе".

Герой Советского Союза

Круглов

ВИТАМИНЫ

УКРЕПЛЯЮТ ЗДОРОВЬЕ,
УВЕЛИЧИВАЮТ ВЫНОСЛИВОСТЬ,
ПОВЫШАЮТ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ.

НКПП СССР — СОЮЗВИТАМИНПРОМ

Цена 1 руб. 50 коп.

МАССА 20

ОГОНЬ

П.Я.245

1 12

